

Горы Любовь Вечность...

МАКСИМ ФОМИН

ЗВЕРЕСТ

ДОТЯНУТЬСЯ ДО НЕБЕС ЗАПИСКИ АЛЬПИНИСТА

18+

Максим Фомин

**Эверест. Дотянуться до
Небес. Записки альпиниста**

«Автор»

2020

Фомин М. В.

Эверест. Дотянуться до Небес. Записки альпиниста /
М. В. Фомин — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-90011-0

«Это был ад. Крошечный. Ледящий душу ад...» Эверест. Самая высокая гора в мире. Не просто вершина — это вызов, брошенный человечеству самой природой. Она манит, завораживает, требует всего без остатка. Эта книга — ваш билет в самое пекло этого величия и ужаса. Погрузитесь в историю восхождения автора, где каждый шаг на высоте восьми тысяч метров — это баланс между жизнью и смертью. Почувствуйте на себе: Пронизывающий холод -60°C , сковывающий тело и разум; Гул смертоносных лавин и скрип вечных ледников под ногами; Удушающую нехватку кислорода на «крыше мира»; Виды неземной, космической красоты, ради которых идут на край света. Это не просто рассказ о восхождении. Это — откровенный дневник схватки человека с безжалостной стихией, горой-убийцей. История предельных испытаний, запредельных эмоций и адреналина, который переворачивает сознание. Решитесь ли вы заглянуть в эту бездну?

ISBN 978-5-532-90011-0

© Фомин М. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	5
Вступление	7
Часть 1. Начало	9
Часть 2. Кумба	17
Часть 3. Подготовка	20
Часть 4. Мечты. Грезы	27
Часть 5. Перелет в Катманду	34
Часть 6. Гималаи. Дорога на Эверест	38
Часть 7. Базовый лагерь Эвереста	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Максим Фомин

Эверест. Дотянуться до Небес. Записки альпиниста

Предисловие

«Крыша Мира»¹. Мечты, грезы, давно минувшие дни... Когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что каждый, кто называет себя альпинистом, хоть раз в жизни мечтал о ней. О ней — самой величественной, самой загадочной, самой недоступной.

Она манит с необъяснимой силой и не отпускает, прочно поселившись в сознании — будь ты в тысячах километров или всего в одном дне пути. Эверест. Для тебя он давно не просто гора. Он — магнит, звучащий в тишине и во сне. Он — мечта, что поселилась в сердце, даже если ты знаешь о нем лишь по фотографиям.

Эверест... Он такой. Его тяготение становится твоим. Однажды позволив ему завладеть твоими мыслями, ты уже не сможешь вырваться. Он станет твоей навязчивой идеей, твоей путеводной звездой, твоим единственным компасом.

Подобно маяку, чей свет пронзает пелену бури, его зов находит тебя сквозь хаос мыслей. Он не дает покоя, заставляя вновь и вновь совершать это паломничество в мечтах. Ты уже видишь острую, как клинок, вершину, чувствуешь ледяное дыхание склонов и теряешь взгляд в его абиссально-синем небе — бездонном, как сама вечность.

И он зацепил меня. Да, он проник в мою душу, оставил в ней след, который уже не стереть. Но в отличие от многих, кто лишь мечтает о нем, глядя на фотографии или читая книги, я смог подняться на него. Смог ощутить его дыхание, его холод, его величие.

И знаете, что? Это невозможно описать словами. Это нужно пережить. Эмоции, которые ты испытываешь на вершине, — это нечто за гранью понимания. Это не просто радость или гордость.

Это... катарсис. Очищение. Осознание того, что ты прикоснулся к чему-то вечному, к чему-то большему, чем ты сам.

Но даже для тех, кто никогда не ступал на его склоны, Эверест остается символом. Символом мечты, борьбы, преодоления. Он — как зеркало, в котором каждый видит что-то свое.

Для кого-то это вызов, для кого-то — недостижимая цель, для кого-то — метафора жизни. И это прекрасно. Потому что Эверест — это не просто гора. Это идея. Это состояние души. И когда я говорю о нем, я понимаю, что слова — это лишь слабая попытка передать то, что скрыто за ними.

Потому что Эверест — это не только то, что мы видим. Это то, что мы чувствуем. Это глубинный, почти мистический смысл, который раскрывается только тем, кто готов его искать. И именно это делает его таким особенным. Таким вечным. Таким... неоднозначным.

Как только я ступил на вершину Эвереста. А это произошло в 2019 году, что-то внутри меня перевернулось. Это был не просто триумф, не просто достижение — это было нечто большее. Это было чувство, которое невозможно описать, но которое я сразу захотел передать миру.

---

¹ Она же гора Эверест (Джомолунгма). Высочайшая горная вершина. Ее высота 8848 метров над уровнем моря. Частично входит в состав национального непальского парка «Сагарматха». Эверест является частью цепи Гималайских гор. Его южная вершина проходит вдоль границы КНР и Непала, а северная часть примыкает к территории Китая.

И я почти сразу сел за написание этой книги. Мне не терпелось поделиться всем, что я пережил, всем, что я почувствовал, каждым мгновением, каждым вздохом, каждым ударом сердца на пути к вершине.

С первых строк я знал, что хочу, чтобы эта книга стала не просто хроникой событий, а настоящим путешествием. Чтобы она передала всю гамму эмоций, которые испытывает человек, стоящий на краю света.

Чтобы она раскрыла, что на самом деле значат горы для тех, кто их покоряет. Что они чувствуют, о чем думают, что скрывают в своих сердцах, но редко говорят вслух. И знаете что? Мне кажется, у меня это удалось.

Я не просто написал книгу — я вложил в нее частичку своей души. Я попытался выразить то, что часто остается невысказанным: страх, сомнения, боль, восторг, ликование и ту ошеломительную свободу, которую чувствуешь, когда стоишь на вершине мира.

Я хотел, чтобы каждый, кто откроет эту книгу, почувствовал себя там, на высоте, где воздух разрежен, а сердце бьется так громко, что кажется, будто его слышит весь мир. Но это далось мне нелегко.

Я провел бессонные ночи, перебирая воспоминания, переживая заново все детали, каждый момент. Я отдал книге весь свой опыт — спортивный, психологический, личный. Вложил в нее все, что у меня есть, чтобы она стала не просто историей, а настоящим откровением.

А теперь представьте:

Вы стоите у подножия Эвереста. Холодный ветер бьет вам в лицо, а впереди — только бескрайние снега и скалы. Вы знаете, что впереди — испытания, которые проверят вас на прочность. Но вы также знаете, что где-то там, на вершине, вас ждет нечто необычайное и впечатляющее.

Эта книга — ваш шанс совершить это восхождение, не выходя из дома. Это не просто текст и не просто фотографии. Это живое, дышащее повествование, которое перенесет вас в мир гор. Вы почувствуете холод, усталость, страх и восторг. Вы услышите, как ваше сердце бьется в такт с моим. Вы поймете, что значит быть на вершине мира.

Я мог бы выпустить эту книгу сразу после восхождения. Но я хотел, чтобы она стала чем-то большим, многозначным. Чтобы она была не просто описанием, а настоящим опытом. И теперь, когда она готова, я могу с уверенностью сказать: это не просто книга. Это ваше виртуальное восхождение. Это ваш шанс почувствовать то, что чувствовал я, когда стоял на вершине.

Готовы ли вы отправиться в это путешествие? Тогда сделайте глубокий вдох, закройте глаза и представьте, что вы уже там. Эта книга — ваш билет в мир больших гор. И ваше восхождение начинается прямо сейчас.

Вступление

Мечта. Та самая, что жила во мне годами, въелась в сердце, будоражила мысли и звала вывись. Эверест. Самая высокая точка планеты. И вот она — моя. Я стоял на вершине мира, чувствуя, как ветер бьет в лицо, а земля уходит куда-то далеко вниз, оставляя только небо и бесконечную свободу.

Это был момент, ради которого я прошел через ад. И знаете что? Оно того стоило. Каждая слеза, каждая вежа, каждый миг отчаяния — все это стало частью меня, частью моей победы.

Эверест — это не просто гора. Это испытание, которое ломает и возрождает. Каждый, кто решается на этот путь, знает: здесь нет места слабости. Ты идешь по лезвию ножа, где с одной стороны — мечта, а с другой — пропасть.

Холод, который пронизывает до костей, нехватка кислорода, когда каждый вдох дается с трудом и постоянная борьба с самим собой. Но именно здесь, на грани возможного, ты понимаешь, на что способен. Ты находишь в себе силы, о которых даже не подозревал.

У каждого из нас своя причина идти на Эверест. Кто-то ищет славы, кто-то — себя. Я шел туда, чтобы доказать себе, что могу. Что моя вера, моя воля сильнее страха и усталости. На высоте более 8000 метров в «зоне смерти»², где тело уже не слушается, а разум затуманен, остается только одно — дух.

Именно он ведет тебя вперед, когда кажется, что сил больше нет. И я хотел почувствовать это. Хотел узнать, что я за человек, когда все вокруг рушится, а надежда тает, как снег на ветру.

Эта книга — мой дневник. Моя исповедь. Здесь нет приукрашенных историй или вымышленных подвигов. Только правда. Правда о том, как я шел к своей мечте, как падал и поднимался, как боролся с собой и с природой.

Большая часть этих записей никогда не публиковалась. Это мой личный опыт, мои мысли, мои страхи и мои победы. Я хочу, чтобы вы почувствовали то, что чувствовал я. Чтобы вы прошли этот путь вместе со мной, шаг за шагом, от первого взгляда на Гималаи до последнего шага на вершину.

Я расскажу вам о том, что значит подняться на Эверест. О том, как готовиться к такому восхождению, как бороться с холодом, усталостью и страхом. Но главное — я расскажу о том, что значит быть человеком.

О том, как в самые трудные моменты мы находим в себе силы идти дальше. О том, как мечты становятся реальностью, если ты готов отдать за них все.

Мне запомнился один эпизод, произошедший в лагере на высоте 8300 метров. Один из участников экспедиции, молодой и физически крепкий, вдруг начал жаловаться на слабость и усталость. Он умолял руководителя группы развернуть экспедицию и спуститься вниз.

Руководитель опытный альпинист, прекрасно понимал, что если участник не преодолеет себя в этот момент, то он уже не сможет подняться на вершину. Он сурово приказал ему продолжать восхождение, даже если тот будет ползти на четвереньках.

И он пополз. Поначалу медленно и неуверенно, но постепенно его движения стали более уверенными. В итоге он вместе со всеми поднялся на пик.

Преодоление себя — это не только физическое испытание. Это еще и внутренняя борьба, борьба с собственными слабостями и страхами. Тот, кто побеждает в этой борьбе, достигает не только вершины Эвереста, но и вершин собственного духа.

---

² Самая высокая часть Эвереста выше 8000 метров. В этой зоне кислорода настолько мало, что клетки тела начинают умирать. Рассудок альпинистов мутится, они страдают от высотной болезни, подвержены риску инфаркта и инсульта.

Другой аспект — вера. На пути к вершине Эвереста вера играет не меньшую роль, чем физическая подготовка или техническое снаряжение. В моменты, когда кажется, что силы на исходе и нет никакой надежды, именно вера помогает не сдаться и продолжать восхождение.

Вера может быть разной: религиозной, философской, личностной. Главное, чтобы она давала человеку силы и вдохновение идти вперед.

Для меня вера — это прежде всего вера в Бога, самого себя, в свои возможности и в то, что все возможно, если по-настоящему этого захотеть. Эта вера помогала мне преодолевать все трудности и лишения и, в конечном счете, достичь вершины.

Во время экспедиции я общался с людьми из разных стран и разных профессий. Среди них были альпинисты, путешественники, художники, писатели. Каждый из них шел к своей вершине, у каждого был свой путь. Но всех их объединяла одна общая черта — вера в то, что нет ничего невозможного.

Поднявшись на Эверест, я понял, что все ограничения и барьеры существуют только в нашем сознании. Если мы верим в себя и свои силы, мы можем достичь любых высот, как в прямом, так и в переносном смысле.

Восхождение на Эверест — это не просто достижение вершины. Это долгий и тяжелый путь, полный испытаний и лишений. Но в то же время это путь к познанию самого себя, к выявлению своих скрытых возможностей и к обретению веры в безграничность человеческого духа.

Тот, кто однажды поднялся на Эверест, никогда не забудет этот опыт. И даже если он больше никогда не вернется в Гималаи, он навсегда сохранит в своем сердце ту веру и ту силу, которые он обрел на пути к вершине мира.

Часть 1. Начало

*Там — на Эвересте я почувствовал дыхание, прикосновение Бога.
от автора*

Сколько себя помню, Эверест жил во мне. Не просто мечта – страсть, всепоглощающая жажда, которая поселилась в самой глубине души и не давала покоя. Эта неутолимая тяга была больше меня. Она съедала изнутри, жгла огнем неосуществленного желания, доводя до грани безумия, до фанатичной, почти маниакальной привязанности.

Я не знал, куда от нее деться. Как усмирить этот огонь, бушующий внутри? Я пытался совладать с собой, запираю мечту в дальний угол сознания, но... Эверест не отпускал. Он стоял перед мысленным взором – вечный, неприступный, магнетический. Как зловещая и прекрасная тень, он нависал над моей жизнью, незримо присутствуя в каждом дне.

Чувствовал – гора чего-то ждала от меня. Требовала. Но тогда, в пылу юношеского увлечения, я не мог понять чего. Ответ пришел позже, с годами и опытом. А в те первые дни все, что касалось Эвереста, было окутано волшебной дымкой. Как страницы невероятной, только что открытой сказки – новое, непостижимое, завораживающее.

Достаточно было лишь услышать его имя – и глаза загорались пылким светом. Я с головой, со всей серьезностью и страстью, погрузился в эту вселенную.

Изучал каждую трещину на склоне по фотографиям, пересматривал документальные фильмы и хроники восхождений, ловил каждое слово в книгах легендарных альпинистов. Как, наверное, и все, кого Эверест пленил своим ледяным величием.

Было в нем что-то особенное, сильное и притягательное. Нечто, заставлявшее сердце сжиматься от восторга и благоговения, а ноги – буквально прирастать к земле, стоило лишь взглянуть в сторону его заснеженных пирамид. Откуда взялась эта странная, непреодолимая любовь к горам? Я не знал.

Раньше мы, конечно, забирались повыше – в походы, на вылазки к местным скальным массивам и холмам. Но разве можно было назвать горами эти скромные возвышенности? Скорее, ребяческая забава, первые робкие шаги. Настоящие вершины, те, что пронзают небо, оставались где-то далеко, за горизонтом мечты.

Но именно эти первые «Вау!» моменты, эти турпоходы, где мир вдруг становился больше и выше, и запах хвои смешивался с ветром свободы, – именно они высекли во мне ту самую искру.

Искру, которая впоследствии разгорелась в неугасимое пламя. Пламя, которое не просто оставило отпечаток на моей судьбе – оно переплავило ее, сломав прежние формы и отлив нечто совершенно иное. Оно изменило все.

Моя малая родина — Карпинск³. Тихий провинциальный городок, затерянный в глухих предгорьях Северного Урала. Таких неприметных точек на карте нашей необъятной Отчизны — бесчисленное множество.

Они словно островки тишины, упрятанные во времени, где жизнь струится неторопливо, а каждый новый день повторяет очертания вчерашнего. Но для меня они — сама отправная точка, та первая глава, где берет начало моя история.

---

³ Находится на Севере Урала пересечения 60-й параллели с 60-м меридианом на восточном склоне Уральских гор. Население 25876 человек.

Я появился на свет в 1974 году. Тогда еще существовал старый-добрый Советский Союз, тот самый СССР⁴, о котором сейчас говорят с ностальгией или скепсисом. Год был спокойным, даже миролюбивым.

Мир вздохнул с облегчением после долгих лет напряженности, а наша страна медленно, но верно вползала в эпоху, которую позже назовут «застоем»⁵. Да, это были те самые золотые годы брежневского времени — время, когда все казалось стабильным, но под этой стабильностью уже зрели трещины.

Жизнь советского человека тогда вращалась вокруг простых, но таких желанных благ: накопить на «Жигули», построить дачу, съездить на юг, чтобы хоть раз в году почувствовать тепло солнца и соленый вкус моря. Квас, портвейн, молодость, беззаботность — что еще нужно для счастья?

А если хотелось прикоснуться к чему-то «заграничному», то дорога вела в Прибалтику, в Таллин, где в 1974-м открылось первое советское варьете. Ну а самым удачливым доставались путевки на Золотые пески Болгарии, где можно было увидеть настоящий конкурс красоты.

Но это внешнее изобилие, эта показная роскошь касались далеко не всех. Большинство людей довольствовались крохами, которые падали с «барского стола».

Я рано узнал эту теневую сторону жизни и она оставила в моей душе глубокий след. Я всегда болезненно переживал эту несправедливость, чувствуя, что мир вокруг — это не только солнце и море, но и тени, которые скрываются за ними.

Помню моя мама рассказала мне одну историю, которая, как мне кажется, определила мой путь. Когда она рожала меня, я упрямо не хотел появляться на свет. Я упирался руками и ногами, кричал так, что, казалось, весь роддом содрогался.

Акушеркам пришлось приложить недюжего таланта и сноровки, чтобы вытащить меня в этот мир. И когда это наконец случилось, одна из них, уставшая, но с улыбкой, сказала: «Этот будет страдать всю жизнь. Он не хотел сюда приходить. Никак не хотел».

И знаете, что самое удивительное? Ее слова оказались пророческими. Вся моя жизнь стала подтверждением этому. Было ощущение, что в тот момент, когда я появился на свет, Бог отвернулся от меня. Или, может быть, это я сам не смог до конца принять этот мир, его правила, его свет и его тени. Хотя...

В нашей матриархальной семье я был вторым ребенком и самым младшим. Мой брат, Никита, старше меня на три года, был для меня не просто братом, а настоящим героем. Но в раннем детстве с ним случилась беда — он потерял слух.

Это стало страшным ударом для всей семьи. Никита, такой живой и энергичный, вдруг оказался в тишине, отрезанный от мира. Мы все переживали, но жизнь, как всегда, шла своим чередом. Против нее не попрешь.

Мы не жили в роскоши. Напротив, каждая копейка была на счету. Мама, несмотря на свои болезни, была настоящей героиней. Она экономила на всем, чтобы мы с братом не чувствовали себя обделенными.

Ее руки, всегда в работе, ее глаза, уставшие, но полные любви, — это то, что я помню до сих пор. Мы жили скромно, но с теплом. Хотя, признаюсь, тогда я этого не понимал. Для меня мир был простым: суп на столе, редкие праздники и мечты о чем-то большем.

Суп. Это блюдо стало символом моего детства. Наваристый, скудный на мясо, но всегда сытный. Только спустя годы я понял, почему он был таким густым. Мама добавляла в него

---

⁴ В период, начиная с 1922 по 1991г. нынешняя современная Россия, представляла собой Союз Советских Социалистических Республик. В простонародье Совок.

⁵ Обозначение периода «развитого социализма» — периода в истории СССР (1964 по 1986г.), который характеризуется относительной стабильностью всех сфер жизни, отсутствием серьезных политических и экономических потрясений и ростом благосостояния граждан.

много жира, чтобы мы не голодали. Это была простая, даже примитивная еда, но она спасала нас.

А еще я помню те редкие моменты, когда дедушка привозил из города буханку черного хлеба, связку бананов или, о чудо, настоящую сырокопченую колбасу. Это было как праздник, как маленькое чудо, которое мы делили всей семьей.

Мой отец — человек сильный и целеустремленный. Он был спортсменом, футболистом и всю жизнь проработал на заводе. Его преданность своему делу, его упорство стали для меня примером. Я пошел по его стопам: закончил технический вуз, работал на шахтах, но в какой-то момент понял, что мое призвание — церковное служение.

В 22 года я поступил в семинарию и нашел свой путь. Теперь я служу Богу и это стало смыслом моей жизни. Но даже в служении я нашел место для страсти, которая, кажется, передалась мне от отца. Спорт, горы — это то, что дает мне силы. Горы... Они как вечный зов, как вызов, который я не могу игнорировать.

Когда я поднимаюсь на вершину, я чувствую себя свободным. Это не просто физическое достижение, это преодоление себя, своих страхов и сомнений. Горы стали для меня символом стойкости, символом того, что любые преграды можно преодолеть.

Ах, горы! Они как будто зовут меня, напоминая о том, что я всегда был своим среди них. Это осознание пришло не сразу. Понадобились годы, чтобы понять, что горы — это не просто скалы и снег. Это часть меня. И каждый раз, когда я стою на вершине, я чувствую, что это только начало. Начало пути, который я выбрал, и который продолжает вести меня вперед.

Плато Мансепаль. Северный Урал

Перевалочный лагерь (Тохта). Север Урала
5.08.2018

В начале сентября я стал частью экспедиции, которая навсегда оставила след в моей душе. Вместе с 11 другими смельчаками мы отправились в далекие и загадочные горы Северного Урала, к перевалу Дятлова. Наш путь лежал к плато Мансепаль или как его еще называют, перевалу «Молебный Камень»⁶.

Это место находится всего в 80 километрах южнее урочища «Перевал Дятлова»⁷ — того самого, где в 1959 году разыгралась одна из самых жутких и необъяснимых трагедий в истории туризма.

Тогда группа из девяти человек, известная как группа Дятловцев⁸ (или по другой версии, группа «Хибина»), погибла при загадочных обстоятельствах. Их история до сих пор будоражит умы и вызывает мурашки.

Мы отправились в путь ранним утром, едва рассвело. За мной заехала ГАЗель и мы двинулись на Север. Первая группа из шести человек уехала чуть раньше, а я присоединился ко второй — нас было пятеро.

---

⁶ Горный хребет Уральских гор, расположенный на Севере Урала между Вишерой и верховьями Лозьвы, с юга и ЮЗ река Большая Мойва. Мансийское название Ялпынг-Нер, Длина 22 км. Некогда был для манси, здешних коренных жителей, святым местом. Об этом свидетельствует название седловины на этом хребте Пурлахтын-Сори, то есть "Седловина на которой приносят жертвы".

⁷ Перевал на Северном Урале между горой Холатчахль (1096,7 м) и безымянной высотой 905 м, стоящей несколько особняком к востоку от Главного Уральского хребта. Находится на крайнем северо-западе Свердловской области, в Ивдельском городском округе, в 128 километрах северо-западнее города Ивделя. Соединяет долину 4-го правого притока реки Лозьвы с верховьями реки Ауспии (также правый приток Лозьвы).

⁸ Происшествие в окрестностях горы Холатчахль на севере Свердловской области в начале 1959 года (наиболее вероятно, утро 2 февраля). Группа из девяти туристов под руководством Игоря Дятлова, совершавшая лыжный поход по Северному Уралу, трагически погибла в полном составе (единственный выживший участник похода, Юрий Юдин, сошел с маршрута по болезни 28 января).

В моем родном городе только рассеялся утренний туман и мы ехали под ярким, почти ослепительным солнцем. Погода была идеальной — словно сама природа благоприятствовала нашему походу.

И, знаете, она нас не подвела. На всем протяжении пути, включая сам перевал, погода оставалась неизменной: солнечно, сухо и тепло. Такое везение в горах — редкий подарок.

Мы добрались до города Ивдель, расположенного на самом Севере Урала. Проехали поселок Полуночное и начали петлять по дороге, ведущей к Перевалу. Как только мы покинули пределы поселка, дорога резко изменилась.

Исчезла ровная гладь асфальта, которая так манила своей предсказуемостью. Вместо нее перед нами открылась изрытая, изъезженная вдоль и поперек лесная дорога. С каждым километром она становилась все круче, словно проверяя нас на прочность.

Проехав без остановок около 70 км, мы наконец добрались до турбазы «Вижай»⁹ — места, откуда, словно живые артерии, расходятся все горные маршруты. Это был наш первый перевалочный пункт в горах и мы проехали его, даже не остановившись.

Лишь мельком бросили взгляд на покосившийся, потрепанный временем столб с едва различимой схемой дорог. Как оказалось позже, это была наша первая ошибка.

Мы должны были оставить машину здесь и пересесть на другой транспорт. Но вместо этого мы продолжили путь, сделав ненужный крюк, который стоил нам времени, сил и нервов. Однако тогда мы еще не знали об этом.

Дорога становилась все сложнее. Ломаные горные серпантины, караваны холмов, суровые кряжи — все это словно сжимало нас в своих каменных объятиях, намекая, что мы здесь лишние. Горы будто шептали: «Это не ваше место. Поворачивайте назад». Но мы упрямо двигались вперед.

Еще тридцать километров — и перед нами открылась река Вижай. Первая река на пути к перевалу Дятлова, холодная и стремительная. Она несла свои воды с какой-то свирепой, почти мистической силой.

Здесь мы остановились, сбросили свои пожитки и стали ждать. Ждать транспорт, который должен был доставить нас в лагерь, где нас уже ждала первая группа.

Связь с ними мы поддерживали по рации — надежно, практично, без лишних слов. И почти сразу, как по волшебству, к нам подъехал наш спаситель — пикап, ласково прозванный нами «Элькой». Он забрал нас и повез дальше вглубь гор.

По пути мы встретили группу людей на «бобике». Это были рыбаки, а с ними — местный завсегдатай, пожарный Сергей. Он знал эти места как свои пять пальцев. Его спутники были в явно приподнятом настроении, с легким запахом алкоголя и широкими улыбками на лицах.

Они угостили нас свежепойманной хариусом — «царской рыбой», как ее называют в этих краях. И знаете, я никогда в жизни не ел ничего вкуснее. Это был настоящий подарок судьбы, маленький, но такой яркий момент счастья среди суровых горных пейзажей.

Дорога... С каждым шагом, с каждым километром, что отделял нас от родного очага, она становилась все более непокорной, словно испытывала нас на прочность. Казалось, сама природа встала на нашем пути, бросая вызов. Ехать было не просто тяжело — это было испытание на грани возможного.

Каждый подъем выжимал из нас последние силы, каждый спуск заставлял сердце биться чаще, а камни и ухабы, казалось, нарочно подстерегали нас, чтобы проверить, насколько мы готовы к этому путешествию.

Мы уже забрались в самую гущу горных и таежных дебрей, где воздух пропитан запахом хвои и свободы. И тут стало ясно: дороги назад нет. Только вперед, только к цели. С горем

---

⁹ Одна из самых северных турбаз в Свердловской области (Россия). Расположена неподалеку от места слияния двух рек - Лозьвы и Вижай.

пополам, сбиваясь с ног, мы все же докатили до лагеря — нашего конечного пункта, места, где должны были собраться все участники этого приключения. Это место называлось Тохта.

Чуть ниже лагеря, словно серебряная лента, переливалась река с одноименным названием Тохтинка¹⁰. Ее воды звенели, будто приветствуя нас после долгого пути.

В лагере нас встретили как старых друзей. Сначала мы поздоровались с парнями из первой группы и радость встречи была такой искренней, что мы буквально побратались с ними за считанные минуты. А потом к нам подошел он — хозяин лагеря, Алексей, настоящий сторожил этих мест.

Приземистый, сгорбленный, но с глазами полными мудрости и тепла. Рядом с ним была его жена Евгения, такая же приветливая и душевная. Алексей говорил с нами так, будто мы были его давними друзьями и его радушие согревало нас после долгого пути.

Мы немного постояли, потолкались, обменялись первыми впечатлениями, а затем с новыми силами принялись за дело. Распаковывали вещи, затаскивали их в дом, который на ближайшие дни должен был стать нашим убежищем. В воздухе витало ощущение чего-то большого, важного, словно мы стояли на пороге настоящего приключения.

Но самое сильное впечатление ждало нас еще на подходе к лагерю. Виды... Они захватывали дух. Горы, величественные и неприступные, вздымались к небу, их волнообразные склоны казались бесконечными. Они были настолько огромными, что внушали одновременно восторг и страх.

Стоя перед ними, я чувствовал себя маленьким и беззащитным, но в то же время частью чего-то масштабного и прекрасного. Это была природа в ее самом чистом, самом мощном проявлении и она говорила с нами на языке вечности.

Лагерь наш притаился в глухом низовье, словно затерянный мир. Вокруг — величественные, необъятные горы, будто стражники, охраняющие тайны этих мест.

А леса... Бескрайние, густые. Они уходили вдаль, растворяясь в прозрачной дымке горизонта, где небо сливалось с землей. Казалось, там за этой чертой нет ни конца, ни края.

Масштабы всего, что открывалось взгляду поражали до глубины души. Они выбивали тебя из колеи, заставляли забыть о времени и пространстве. Ты будто оказывался в каком-то странном забытии, в полусне, где реальность переплеталась с иллюзией.

И самое удивительное — это чувство было похоже на дежавю. Оно не отпускало ни на минуту, сопровождая каждый день, каждый час, проведенный на этой высоте.

Но время шло и день клонился к вечеру. Ужин мы устроили в нашей подвижной крепости — стареньком ГАЗ-66 с кунгом. Мы мило называли его Шишигой. Внутри — тесно, но уютно, как в доме на колесах. Здесь, при свете тусклой лампы мы обсуждали, что делать дальше. Спорили, шутили, делились страхами и надеждами.

Кто-то после ужина отправился спать, а кто-то задержался на кухне, чтобы еще немного побыть вместе. Утро встретило нас ранним завтраком и суетой сборов. Впереди ждал путь, который не сулил ничего легкого.

Мы знали, что идем навстречу Аду. Самому настоящему — дикому, беспощадному. Густые дебри непроходимой тайги, где любое продвижение вперед дается с трудом, где природа проверяет на прочность. Мы чувствовали это кожей, понимали разумом, но никто не повернул назад. Мы были готовы к худшему, но в наших сердцах теплилась надежда.

Раннее утро началось с оглушительного рева моторов, которые, казалось, разрывали тишину на части. Мы потуже стянули ремни, чувствуя, как пустые животы сжимаются от предвкушения. Собрав все необходимое для похода, мы двинулись в путь, зная, что впереди нас ждет нечто большее, чем просто дорога.

---

¹⁰ Река на севере в Свердловской области России. Устье реки находится в 51 км по левому берегу реки Вижай. Длина реки составляет 29 км.

Мы ехали медленно, почти неспешно, будто стараясь продлить эти последние мгновения относительного спокойствия. Каждый виток этого спиралевидного пути давался с трудом: машины то и дело подпрыгивали на кочках, ныряли в ямы, а мы, стиснув зубы, пытались объезжать самые коварные участки. Но это удавалось лишь наполовину.

Нас бросало из стороны в сторону, как щепки в бурном потоке. Кабину заполняли крики, смех и проклятия, когда нас подкидывало до самого потолка, а все, что не было пристегнуто, летало вокруг, словно в бешеном танце.

Мы то и дело останавливались, чтобы расчистить путь: поваленные деревья, острые, как лезвие бритвы, камни, кочки, которые, казалось, специально поджидали нас, чтобы вцепиться в колеса.

Ветки деревьев хлестали по лицам, оставляя на коже следы, будто напоминание о том, что природа не прощает ошибок. Мы рубили их на ходу, но это было лишь временное спасение.

Каждый километр давался с трудом, каждый поворот становился испытанием. К тому моменту мы уже изрядно натерпелись, но сдаваться было не в наших правилах.

Когда до горы оставалось совсем немного, мы, наконец, слезли с машин. Дальше ехать было невозможно. Последние километры мы преодолевали пешком, карабкаясь по отвесным тропам, цепляясь за каждую выступающую скалу, каждый камень.

Мы ползли вверх, чувствуя, как ноги горят от усталости, а сердце бьется в такт с ветром, который, казалось, пытался сбросить нас вниз. Но мы шли. Шли, потому что знали: вершина того стоит.

Дорога была похожа на израненную колею — будто гигантская рука сгребла камни и в безумии раскидала их в хаотичном порядке. Земля словно тянула к себе, не отпуская ноги: ноги вязли в этой каменистой пустыне, а впереди, казалось, не было конца этому бесконечному, изнурительному пути.

Мы шли, спотыкаясь, сжимая зубы, и мысль о том, что это когда-нибудь закончится, казалась почти несбыточной мечтой.

Но вдруг — чудо! Последний рывок и мы вырвались из этого каменного капкана. Под ногами появилась более-менее ровная поверхность, и мы, сбросив груз усталости, начали подниматься в гору. Легкость, с которой мы шли теперь, была ничем не прикрытой, словно кто-то невидимый подхватил нас и понес наверх.

И вот мы на вершине. И тут — словно портал в другой мир. Ландшафт изменился так резко, что захватило дух. Если раньше нас окружал густой, пышный лес, то теперь перед нами расстилалась выжженная, пустынная земля.

Красновато-бурый оттенок почвы, яркий, почти кровавый, бросался в глаза. Это было похоже на сцену из фэнтези-фильма, где герои внезапно оказываются на другой планете. Марс? Или что-то еще более загадочное?

Кругом — мох, ягель, а среди них — искривленные, словно измученные деревья, молодые березы и сосны, скрюченные в нехарактерных позах. Казалось, они пытались убежать отсюда, но застыли навсегда, превратившись в памятники своей собственной борьбе.

Мы шли дальше и пейзаж больше не менялся. Но в этом было что-то магическое, потустороннее. Мы чувствовали, что наше путешествие подходит к концу и это придавало сил. Мы начали подниматься быстрее, почти бегом. А потом — просто побежали.

Ноги сами несли нас вперед, к вершине Медного Камня. Мы прыгали по его округлым, одутловатым склонам, смеялись, кричали от восторга. Казалось, весь мир вокруг замер, чтобы наблюдать за нами. Мы были свободны. Мы были счастливы.

И тут — вид, от которого перехватило дыхание. Облака, низкие, густые, словно дымка, окутывали все вокруг. Глубокие каньоны, уходящие вниз на сотни метров, а на их склонах — деревья, ели, растущие с упрямством достойным восхищения.

Пространство вокруг было настолько огромным, что казалось, будто оно распростерлось на тысячи футбольных полей. Это было нечто невообразимое, изумительное, почти сюрреалистичное. Мы стояли, словно вкопанные и не могли оторвать глаз. Это был момент, который хотелось запомнить навсегда.

Пройти пару километров по склону — и вот она, гора Ялпынг-Нер, что в переводе значит «Священная гора». Мы оказались прямо у мансийского капища — двух камней, слитых воедино, словно древние башни, возвышающиеся над землей. Они будто хранили тайны веков и каждый из нас не удержался, чтобы не запечатлеть себя рядом с этим мистическим местом.

Мы замерли там, замороженные и счастливые, будто прикоснулись к чему-то глубокому, нетронутому, священному. А потом, наполненные новыми силами и переживаниями, двинулись дальше.

Вершина Медного Камня — Маньсепаль или Мансийская гряда, встретила нас потрясающим видом. Горные пейзажи, раскинувшиеся вокруг, казались бескрайними.

Но времени на восхищение было мало — солнце уже клонилось к закату, небо постепенно окрашивалось в теплые тона, а потом и вовсе потемнело. Мы успели разбить лагерь на перевале, поставили палатки и приготовились к ночи.

А ночь... О, эта ночь! Костер трещал, отбрасывая танцующие тени на наши лица. Мы готовили еду, смеялись, пели под гитару, плели истории, которые, казалось, становились еще интереснее от того, что вокруг нас сгущалась тьма.

Мы будто плавали в облаках, которые клубились вокруг и тянулись к звездам, сияющим в сумрачном небе. Время пролетело незаметно, как один миг.

Утром я проснулся с первыми лучами солнца. Решил размяться, пробежаться по склону. К моей радости, нашлись двое таких же «ранних пташек» и мы отправились к водопаду, который был где-то неподалеку, в расщелине. До него мы так и не добрались — путь оказался дальше, чем казалось.

Но мы видели его вдалеке, слышали его журчание, которое будто звало нас. Зато мы нафотографировались вдоволь среди каменных останцев, этих древних исполинов, которые возвышались над пологими вершинами. Казалось, каждый камень здесь хранил свою историю.

Вернувшись в лагерь, мы продолжили наш день: перекур в кругу друзей, стрельба из автомата, спуск с горы. Чай, сваренный на газовой плите, согревал нас после прохладного утра. А потом была баня, рыбалка, и даже свежие медвежьи следы на песке, которые добавили нотку адреналина в наш день.

Алексей рассказывал о здешних облаках, в которых, как он говорил, «ничего не видно дальше локтя». Мы смеялись, но в его словах была какая-то магия. Также мы узнали еще много всего памятного и примечательного.

Но все это оставалось где-то на задворках сознания, на заднем плане, будто туманная дымка едва уловимая. Главное — были горы. Они владели мной, моими мыслями, моей душой.

А душа... она парила в этих безграничных просторах, словно птица оторвавшись от земли, от всего привычного, от всех оков. Я больше не чувствовал тяжести, не чувствовал границ. Только свободу. Только полет.

Мне хотелось одного — лететь. Летать. Забыть себя, раствориться в этих бескрайних, непроглядных высотах. Может быть, я искал там что-то — лучшую долю, лучшую жизнь. А может, просто бежал от себя самого.

Но в те редкие, драгоценные мгновения я не принадлежал себе. Я принадлежал горам. Их загадочной манящей силе, их вечному зову. И мне было все равно, что это — магия ли, иллюзия или что-то большее.

Мне было хорошо. Не просто хорошо — а так, как бывает только в самых ярких, самых сокровенных мечтах. Я был на вершине мира. На вершине себя. Я раскрывался, как цветок

под солнцем, вдыхал полной грудью этот холодный, чистый воздух свободы. И я молил Небеса, чтобы это никогда не кончалось. Никогда.

Но мы возвращались. Уезжали. И я все оборачивался назад, словно пытаюсь удержать, сохранить в памяти то чудо, что довелось пережить. То, что, возможно, уже никогда не повторится.

Горы — эти величественные, безмолвные корабли — медленно таяли вдали, растворяясь в дымке. И с каждым километром моя душа опускалась все ниже, тяжелея, как будто снова прикованная к земле.

«Что это было?» — спрашивал я себя снова и снова. Игра воображения? Причуды уставшего разума? Или все-таки что-то большее — знак, послание, испытание? Я не мог понять. Не мог объяснить.

Но и не пытался слишком глубоко копаться в этом. Ведь главное — я был частью этого. Частью гор, ветра, неба. Я жил здесь. Дышал. Чувствовал. Искал. И ни о чем не жалел. Судьба привела меня сюда и я благодарен ей за это.

Мы были здесь. Мы ловили удачу за хвост, упиваясь каждым мгновением, каждым вздохом. Мы жили на пределе, боясь упустить что-то важное, что-то настоящее.

И это было... неопишимо. Как сон, который не хочется забывать. Как миг, который расплылся в вечность. Всего несколько дней на перевале — а ощущение, будто прошла целая жизнь. Жизнь, которую я прожил полностью, без остатка.

Часть 2. Кумба

Горы... Они манили меня, звали, словно неведомая сила, которую я не мог игнорировать. На том этапе жизни они стали для меня не просто частью пейзажа, а чем-то гораздо большим.

Они задели самые потаенные струны души, всколыхнули то, что дремало глубоко внутри. Прошлись по самому живому, оставив след, который я тогда еще не мог до конца осознать.

Я чувствовал их притяжение, но словами объяснить это было невозможно. Первые искорки, проблески их магнетического очарования уже начали разгораться во мне, хотя я и не понимал, куда это приведет. Но знал одно — горы стали частью меня.

Хотя нет, я не могу сказать, что именно этот первый реальный опыт в горах перевернул все с ног на голову. Нет. До них была еще одна гора. Не такая известная, не такая величественная, но для меня — особенная. В ней была своя, таинственная, гипнотическая сила, которая действовала на меня с небывалой мощью. И в этом ей не было равных.

Это была гора Кумба¹¹. Самая южная точка Северного Урала. Я жил неподалеку и сколько раз проезжал мимо, направляясь на работу! Ее изгибистая, угловатая вершина всегда виднелась на горизонте, словно зовя, напоминая о себе.

Я не мог оторвать взгляд. Она приковывала меня, заставляла останавливаться и смотреть, смотреть, смотреть... Как будто в ней была какая-то тайна, которую я должен был разгадать.

Несколько раз я бывал на ней. И каждый раз она оставляла во мне чувство, которое сложно описать. Она была неприметной, не такой высокой, как знаменитые гиганты вроде Эльбруса или Казбека.

Но именно она, эта затерянная среди дремучих таежных лесов гора, стала для меня дверью в мир высочайших вершин. Почему именно она? Почему не именитые исполины, а эта скромная, почти незаметная Кумба? Может, так было угодно судьбе? Или Богу? Кто знает...

Ведь часто именно те вещи, которые кажутся нам незначительными, неприглядными, на которые мы не обращаем внимания, становятся самыми важными. Они тихо, почти незаметно меняют нашу жизнь, выходят на первый план и превращаются в то, вокруг чего все начинает вращаться.

Так было и с Кумбой. Она стала для меня началом пути, который я даже не мог представить. И теперь, оглядываясь назад, я понимаю: именно она, эта неприметная гора, стала моим проводником в мир, где вершины касаются неба.

В плену ее таинственного очарования рождались тихие, неслышные слова: «Гора! Гора! Когда-нибудь я поднимусь на тебя! Водружу флаг на твоей вершине и тогда весь мир узнает, что здесь, на просторах Урала, когда-то властвовал я! Я покоритель гор!».

Да, я тогда еще юный мечтатель, задирая голову и глядя вверх, строил в своем воображении грандиозные планы, которым было уготовано сбыться. Здесь, на вершине Кумбы, зарождалось мое предназначение, которое в свое время привело меня на самые высокие вершины мира.

Поднимаясь по склону горы, я чувствовал, как ответный импульс Земли наполняет меня силой и энергией. Я преодолевал крутые подъемы, огибал острые камни и карабкался по отвесным скалам, испытывая неопишное чувство свободы и единения с природой.

Дойдя до вершины, я долго стоял молча, вдыхая чистейший горный воздух и наслаждаясь открывшимся сверху видом. Бескрайняя таежная даль раскинулась передо мною, утопая в изумрудной зелени лесов и блестя голубыми нитями рек.

---

¹¹ Гора в южной части Северного Урала, на территории Североуральского городского округа Свердловской области (Россия). Высшая вершина горного массива Кумба. Высота горы - 921,1 метра.

Почувствовав прилив вдохновения, я достал из рюкзака небольшой флажок и прикрепив его к альпенштоку, поднял вверх. Яркое полотнище развевалось на ветру, символизируя мою победу над самим собой и моей готовность покорять новые высоты.

Стоя на вершине Кумбы, я не мог не думать о том, что эта гора стала моей точкой отсчета, моей стартовой площадкой, с которой я отправлюсь в мир больших гор. Именно здесь я впервые ощутил вкус приключений и понял, что горы – это мое призвание.

С этого момента моя жизнь преобразилась. Я начал усиленно тренироваться, изучать горную технику и искать единомышленников, разделявших мое увлечение. Я совершал восхождения на все более высокие горы, совершенствуя свои навыки и пополняя коллекцию покоренных вершин.

Но я никогда не забывал о своей первой горе, далеком Уральском пике, который зажег во мне пламя альпинизма. Гора Кумба стала для меня символом моего пути и постоянным напоминанием о том, что даже самые грандиозные мечты могут сбыться, если идти к ним с твердой верой и неутомимым упорством.

И вот, спустя многие годы, покорив высочайшую точку планеты, я стоял на вершине Кумбы и смотрел вдаль, на простирающиеся передо мной таежные просторы.

В моей душе царили умиротворение и гордость. Я совершил долгий и непростой путь, но я был счастлив. Гора, с которой все начиналось, стала моей путеводной звездой и вдохновением на долгие годы.

С высоты своих достижений я понимал, что горы не только притягивают, но и возвышают человека, даря ему неоценимый опыт и знания. И я был благодарен судьбе за то, что она однажды привела меня на вершину Кумбы, где зародилось мое великое альпинистское путешествие.

Североуральск. Север Урала

06.08.2018

Гора Кумба (921 м) — южная точка Северного Урала. Я живу неподалеку и почти каждый день вижу ее. Ее плавные, зигзагообразные склоны ласкают взгляд. Я часто бываю на ней и каждый раз, глядя на эту гору, она напоминает мне Эверест — величественный, недостижимый, манящий. Тот самый, на который так хочется взойти.

Меня часто спрашивают друзья, да и не только они: «Зачем тебе это? Зачем тебе эти горы? Зачем туда ходить?» И я всегда отвечаю: «Мне не нужны горы. Мне нужен Эверест». Но не тот, о котором все знают, — видимый, осязаемый. Ведь подняться на него, в конце концов, не так уж сложно. Это вопрос техники, подготовки и грамотно спланированной тактики.

Мне нужен другой Эверест. Тот невидимый, неукротимый зверь, который живет внутри — в голове, в душе. Если ты достигнешь этой внутренней высоты, то и в реальности любая вершина станет тебе подвластна.

Все эти внутренние «стоп-краны» — страхи, сомнения, комплексы, — которые мы преодолеваем на пути к своим целям, это уже больше половины дела, если не все. Если избавиться от них, то любая высота, любая вершина станут достижимыми.

Поселок Баяновка. Север Урала

16.09.2018

Северный Урал. Мы снова здесь. И снова этот путь назад... Гора Кумба, еще пару недель назад утопавшая в снегах, сейчас кажется далекой, почти нереальной. Но вот она, совсем рядом, всего в пяти километрах.

Пять километров? Плевать, скажете вы. Но только не здесь. Бурелом, снег по пояс, болота... Каждая пядь земли отбирает силы, выматывает душу, заставляет тело молить о пощаде.

Да, когда-то Кумба была для меня чем-то вроде Эвереста. Непрístupная, величественная, она манила, звала, была той самой дверью в мир настоящих гор. Тем рубежом, что разде-

ляет обыденность и мечту, тем вызовом, что толкает вперед, к чему-то большему, важному, настоящему.

Кумба воспитала меня, научила, закалила. Сделала тем, кто я есть сейчас — человеком, не мыслящим себя без гор, без этих заветных восьмитысячников.

Я всегда буду благодарен ей. Не знаю, что было бы со мной, если бы ни она. Какой была бы моя жизнь, моя судьба...

Часть 3. Подготовка

Приближались дни экспедиции на Эверест, и я вступил в фазу яростной, почти маниакальной подготовки. Я знал, что восхождение на высочайшую точку планеты — это не просто прогулка в горах, а жестокое испытание, требующее от меня не только физической силы, но и безграничной преданности, готовности пожертвовать всем ради этой цели.

Мои тренировки превратились в ежедневную пытку, сон — в редкие, украденные у усталости мгновения. Еда стала лишь топливом, необходимым для поддержания огня жизни, а Эверест — идеей-фикс, затмившей собой все остальное.

Друзья и родные выцвели, обратившись — как старая фотография, теряющая краски и живость. Их голоса по телефону звучали как отголоски из другого мира — мира, который я добровольно покинул, чтобы погрузиться в ледяную пустыню и разреженный воздух.

Я часами вглядывался в карты маршрута, изучая каждый выступ, каждый склон, каждую трещину ледника, словно пытаюсь разгадать тайну горы, проникнуть в ее сердце. Ночами мне снились кошмары: лавины, срывающиеся с белоснежных вершин, и смертоносные ледяные жерла, готовые поглотить меня.

Я читал дневники альпинистов, покоривших Эверест, и тех, кто остался лежать на его склонах навечно. В их строках — в одних ликующих, в других полных отчаяния — я искал ответы на мучившие меня вопросы: что ждет меня там, на вершине? Хватит ли мне сил? Смогу ли я вернуться?

Физические нагрузки стали моей второй натурой, как дыхание. Я бегал по утрам, пока город спал, наматывая километры по пустынным улицам, словно спасаясь от чего-то, что гналось за мной по пятам.

Совершал экстремальные велопоездки по бездорожью в глубокой тайге и в предгорьях крайнего Севера. Эти вылазки никогда не были просто прогулками. Каждая — маленькая смерть и воскресение. Я вел дневник, и первые записи того периода полны нетерпения и яростной надежды.

Карпинск. Север Урала. 23.11.2017

Жажда преодоления, испытания. И как правило неминуемые падения, боль, страдания. Избитые в хлам почти все части тела с ног до головы. Ты знаешь, ради чего все это. С того самого дня, когда ты все это начал, кануло немало лет. Долгие годы ты гнался за своей мечтой. И сейчас она становится ближе. Вся твоя жизнь была на грани. Она закалила твое тело, Дух, твою волю. И ты уже почти готов, созрел. Эверест — я иду к тебе! У тебя есть тоже точка невозврата, как и у меня. И я уже давно прошел ее. И мне нет пути назад.

Тогда мне казалось, что я знаю, что такое предел. Я ошибался.

В спортзале я работал с весами до седьмого пота, чувствуя, как мои мышцы напрягаются до предела, готовые разорваться от напряжения. Но настоящая проверка ждала не в зале. Она ждала там, где нет крыши над головой, где холод пробирает до костей, а дорога сама решает, жить тебе или нет.

Карпинск. Конжаковский Камень ¹². 15.01.2018

Ууух, насытаааем!!! Ты на вело, после крутого спуска. На самой высокой горе Северного Урала, весь в снегу. Хлопья снега летят в твое лицо, засыпая тебя по самую «макушку». Руки, ноги вперемишку с железом. Твое сердце истово, нервозно бьется, готовое вот-вот вырваться изнутри. Голова трещит. Адреналин зашкаливает, бьет через край. Нервы натянуты как стрела. Тебя переполняет шквал эмоций, чувства. Ты на кураже. Твои глаза обра-

---

¹² Гора в России, на Северном Урале. Одна из высочайших вершин Урала. Её высота 1492 м. Денежкин Камень образован из зернистого гиперстениста (сланцев и сиенито-гнейса).

щены ввысь, в небо. И ты как будто не лежишь, а паришь, летаешь. Ты в эйфории, ловишь кайф. Весь мир где-то там — далеко, недосыгаем. Ты на высоте! Хотя боль адская, невыносимая, но ты этого почти не замечаешь. Экстрим зовет, и тебе словно сносит «крышу».

Карпинск. Шмелевка ¹³. 25.01.2018

Вело! Драйв!! Кайф! Клубы снега летели из-под колес. Тело рвало, утюжило, крутило словно в стиральной машине. Надежда выжить в этом кошмаре таяла на глазах. Тогда ты брал только одно в расчет, одно было неизменно — воля, сила духа и упорность в желании дойти до победоносного конца в этом заснеженном таежном плену. Мир словно перевернулся, раскололся надвое. С одной стороны — тихое, размеренное течение жизни. С другой — ад, непробудный, беспросветный ад. Это было что-то нереальное, запредельное, из ряда вон выходящее. Настоящая мясорубка, мясобойня, которая перемальывала все — кости, мясо, мысли, сознание.

После таких дней я возвращался домой разбитым. Вывихи, ушибы, растяжения стали привычными спутниками. Но именно в этой разбитости рождалось то, что позже спасет меня в горах, — понимание, что тело может гораздо больше, чем думает разум.

А еще я понял: подготовка — это не только боль и эйфория. Это еще и быт. Мелочи, которые на дистанции превращаются в горы. Одна из записей тех дней зафиксировала эту прозаическую, но важную сторону.

Карпинск. Гора Липовая. 02.02.2018

Зима. Север Урала. На вело в тайге. Низкогорье. После домашнего кардио, растяжки и интенсивной езды — упражнения на выносливость. Да, реально мучительно подниматься в гору, даже на самую посредственную, скромную, отсталую и бесхитростную. Это что-то. Еще то загляденье?! Ноги по колено в снегу, затекают. Двигаешься, прикладываешь огромные, просто какие-то непомерные сверхусилия, старания, чтобы сохранять баланс и присутствие духа. Помимо того тащишь еще сам велосипед, что сродни альпинистской веревке (перилам), по которым поднимаются горвосходители. Не учитывая, что у тебя еще походный рюкзак сзади, заваленный всяким шмотьем. Это (за вычетом питьевой воды, инструментов и прочей трещухи) еще две полные бутылки с водой. На обратной дороге, когда еду домой, всегда везу с собой родниковую воду. Набирается еще порядка десяти литров добавочного объема, без учета холода и мороза. И так уже несколько лет подряд. Когда это все только начинаешь, оно в тягость. Пока раскачаешься. Но со временем привыкаешь, вкатываешься, втягиваешься в процесс. И эти действия уже не кажутся тебе столь обременительными.

Я проводил дни и ночи в палатке, установленной прямо на заснеженном дворе, привыкая к холоду, к ветру, острому как шило, к отсутствию привычного комфорта. Я подолгу сидел в барокамере, имитируя условия высокогорья, приучая свой организм к кислородному голоданию.

Я учился обращаться с ледорубом и кошками, вязать узлы, которые могли спасти мне жизнь. Мои легкие горели огнем, голова кружилась, но я стискивал зубы и продолжал тренировку, не давая себе ни минуты передышки.

Но самым сложным испытанием оказалось научиться контролировать свой разум. В горах, где воздух разрежен, а каждая клеточка тела борется за выживание, именно психика становится решающим фактором.

Я много медитировал, закаляя выдержку, учась сохранять ледяное спокойствие в кристических ситуациях. Но это была не просто медитация. Это была война. Война с инстинктом бегства, вызывавшим во мне черную волну паники при одной мысли о высоте. Война с подлым голосом-саботажником, тихо шипящим:

— Ты не готов. Сдайся.

---

¹³ Болото. Расположено в левобережье реки Турья, восточнее озера Антипинское в Свердловской области (Россия).

Я создавал в уме кошмары еще страшнее снов: падение в бездонную синюю трещину, медленное угасание в снежной пещере, лицо, навеки скованное льдом. И заставлял себя смотреть. Держать взгляд. Дышать сквозь ужас. Находить в этом хаосе точку абсолютного, ледяного спокойствия — ту самую, где нет страха, есть только действие и воля.

Я учился отключать часть мозга, кричащую о самосохранении, как отключают поврежденный прибор. Это было похоже на ломку: тело бунтовало, сердце колотилось как бешеное, пот заливал глаза. Но я знал: наверху, где воздух выхолощен до прозрачности смерти, эта способность — отключить животный ужас и включить безжалостную машину выживания — будет стоить дороже кислорода в баллоне.

А параллельно с этой ментальной войной продолжались велопоездки. Они стали моей религией, моей зависимостью. Я не мог остановиться. Даже когда каждая клетка тела кричала «хватит».

Карпинск. Новая Туринка. 28.10.2018

Первая вылазка на вело по снегу. Не знаю, на него молишься, ждешь иногда как «манну небесную» или проклинаешь. Пока ехал, все замело догола. Дорожной полосы уже настолько не было видно, что она всем своим видом походила на одно белое поле. Оно обволакивало все кругом, сдобрив все это всегдашним трескучим холодом и морозом, которые подбивали ее сильнее и сильнее, отчего местами на ней насаивался лед. Такой тонкий, скользкий, режущий. Что интересно: едешь наугад и не знаешь, где и когда, в какую секунду ты свалишься, навернешься. Помню, что в тот день я падал и не раз. Когда заносит, колеса тебя уже не слушаются. Ты что-то делаешь, тормозишь, пытаешься вырваться. Все без толку, напрасный труд. Идеально, если ты колесишь где-нибудь в тайге, в лесистой местности. Там земля мягче и она менее смягчает удар. А если на асфальте, где-нибудь на шоссейной трассе?! Врагу не пожелаешь такого удовольствия. Мчишься, лежишь, несешься не зная куда, как «Бог на душу положит», сишбая и собирая на своем пути все что ни попадет.

Карпинск. Шмелевское болото. 02.11.2018

Лес, тайга. Север Урала. Погода штормит. Начало ноября. По ощущениям -15°C . Снег, метель. Ветер пронизывающий до костей. Кругом гололед, бездорожье. Самое время для проверки на прочность «пятой точки» и других частей твоего тела. Есть предубеждение — дорога все стерпит. Обычно свыкаешься, привыкаешь постоянно быть в «зоне риска». Как правило, у тебя открывается «второе дыхание» и становится легче. А там уже «дело техники». Все идет как «по маслу», по накатанному. Любые препоны, препятствия, непредвиденность — в зачет. Просто наслаждаешься всем этим процессом, невзирая ни на что. Даже если ты «по уши в дерьме». В придачу ты на взводе, на нервах, плюс разряженный воздух. Голова плывет. Сишишься как-то подтягивать себя или на чисто волевых выезжаешь. Это уж как поведется. А так в основном ничего особенного — педали, колеса, длинная дорога впереди. После всего, всех этих поездок отходишь всю неделю. Вывихи, ушибы, растяжения не в счет. Потом, как правило, возвращаешься обратно. Не выдержишь. Не можешь без тайги. Она тянет, влечет. Хочешь вновь и вновь испытать пережитое. И так по кругу без конца, пока не свалишься с ног.

В этих строках — весь я. Привыкание к риску как к норме. Цикл: боль, восстановление, снова боль. Зависимость, от которой невозможно избавиться. И в этом цикле — моя подготовка к Эвересту. Не линейное движение вверх, а спираль, каждый виток которой требовал все больше крови и терпения.

А потом, в конце ноября, в дневнике появилась запись, которую я перечитывал много раз. В ней не было крика, не было восторга. Была тихая, ледяная ясность.

Карпинск. Горы. Конжак. 20.11.2018

На вело. Иногда тебя бросает в дрожь, посещает жуткий страх. Ты чувствуешь неопределенность от того, что ждет тебя там — впереди. Что все настроено против тебя. Эти

заезженные и затасканные вдоль и поперек неприступные таежные дороги, снег, холод, мороз. Тебе хочется убежать куда-нибудь, спрятаться, скрыться от всего. Но что-то, какая-то неодолимая сила, какой-то внутренний голос говорит тебе — встань и иди. И ты почти всегда слепо и безропотно повинешься ему и идешь в эту холодную и промозглую пустоту, в этот мрак, надеясь увидеть свет «в конце туннеля». В этот момент в тебе включаются какие-то другие механизмы, процессы доселе неизвестные. И ты понимаешь, осознаешь, что ты уже не ты. Ты не принадлежишь себе. Что тебя ведет, направляет нечто большее — твой дух, душа. И это просто какая-то «гремучая смесь», которая готова взорваться и смети все, любые преграды.

Я ковал внутри себя этого нового человека — хладнокровного, расчетливого, бесчувственного к страданию. И в глубине души боялся его больше, чем Эвереста. Потому что этот человек был готов убить во мне все человеческое ради вершины.

Иногда, измученный до предела, я падал на пол, не в силах пошевелиться. В эти минуты отчаяние накатывало на меня волной, хотелось все бросить, вернуться к прежней жизни, где было тепло и уютно.

Но стоило мне закрыть глаза, как перед моим внутренним взором вставал величественный, заснеженный пик Эвереста, манящий и пугающий одновременно. И я снова поднимался, стирая пот со лба, чувствуя, как во мне просыпается древний инстинкт покорителя, бросившего вызов самой природе.

Когда до экспедиции оставались считанные недели, дни, я чувствовал себя единым целым, готовым к любым испытаниям. Мое тело было на пике формы, а дух закален многолетними тренировками.

Я был подобен цепному псу, которого держат на привязи и который готов был снести все на своем пути, лишь бы вырваться на свободу. Эверест требовал жертв, и я был готов принести их.

Я вкалывал в поте лица, не зная усталости, боролся с собой, ломал свои слабости, переступал через боль и страх. Я испытывал на себе жесточайший гнет и тяжесть от преодоления, от испытаний, от постоянного давления изнутри и извне.

Да, было все: и удушливые спортзалы, где я истязал себя до тошноты; и сморкающиеся, плюющиеся носы, и рты после очередной сумасшедшей тренировки; и стоны, и вопли.

Но самое главное — это была ментальная и психологическая работа над собой. Я прокачивал свой ум, разум, сознание, как никогда раньше. Это был настоящий фитнес для мозгов, который был для меня важнее всего на том этапе.

В дневнике тех дней осталась запись, которая сейчас, с высоты пережитого, кажется мне пророческой — не столько о победе, сколько о цене, которую я был готов заплатить.

Карпинск. Новая Туринка. 06.03.2019

Некоторые задаются вопросом: зачем все эти лишения, страдания? Не просыхая и не сбавляя обороты, жить как «на ножках», на пределе своих возможностей? Зачем?! Да, именно в таком перевернутом, измененном сознании, состоянии делается настоящая жизнь, счастье, деньги и прочее. Когда ты задаешь себе высокую планку, «срываешь чеку», прыгаешь выше себя, своей головы. Когда вся твоя жизнь за гранью, в непрерывном движении, исканиях, стремлении достичь своих целей. Многие обманчиво пытаются заиметь все это, как говорится, не сходя с места, в зоне комфорта, «грея свою задницу». Но из этого мало что выходит путного и дельного. Статика, статичное состояние души, тела — убивает, ослабляет организм. И нужна постоянная мотивация, встряска, напряжение и усилие воли, работа над собой, чтобы всегда быть бодрячком, на чеку. Динамика, активный образ жизни, спорт, драйв, острые ощущения дают все это, возмещают с лихвой. Если этого нет в твоей жизни, то ты в полной ж... пе. Ты — овощ, планктон, ноль, никто. Если перефразировать, то в своей жизни ты должен вкалывать и вкалывать! Пахать! Не давать себе никаких поблажек.

Идти вперед! Драть! Рвать! Не жалеть себя, ни свою задн... цу. Только тогда ты добьешься всего, своего.

Я залез в самые отдаленные уголки своей души, скovyрнул всю ее подноготную, чтобы отыскать «ключик» к своим секретным возможностям. И я нашел его. И этот ключик позволил мне в дальнейшем получить то, что я так желал, чего хотела моя душа.

Тот этап стал для меня временем великой ломки: я вступил в борьбу с собственными привычками, прежними представлениями и окаменевшими догмами мышления. Привычный мир внутри рассыпался в прах, и мне выпала задача не просто отстроить его заново, а заложить совершенно новый фундамент, переключив свои самые глубокие убеждения.

С каждым днем, приближавшим меня к экспедиции, внутренний шум стихал, уступая место кристальной тишине и собранности. Это была уже не просто мотивация — стальная решимость, закаленная ожиданием. Моя физическая форма, отточенная годами, переродилась из дани спорту в надежный инструмент, врученный самому себе для покорения цели.

Все это закалило мой дух, обратив в неутомимого воина, жаждущего бросить вызов собственной границе и величественной вершине. Жажда приключений и свершений гнала меня вперед, заставляя доказать — себе и миру — свою силу и выносливость. Моя воля отныне стала алмазом, не берущим никаких ударов.

Эта борьба становилась частью меня. Тотальное преодоление себя, изнуряющая тяжесть испытаний раздвигали границы моих возможностей. Я шагал сквозь тернии, ломая себя и перелывая все внутри. Каждый шаг, каждое усилие приближало меня к моей цели.

Я уверенно шел по своему пути, осознавая, насколько он не прост и сложен. Я был слеп, но в моей слепоте была сила дурака, идущего ва-банк, заставлявшая меня верить в собственные силы и в то, что я смогу покорить самого себя и самую высокую вершину мира. Эта вера была моим щитом и моей слепотой одновременно.

— По теме, а ты был хотя бы на семи тысячах? — вопрос, который должен был стать брешью в моей броне, но я лишь махнул на него рукой.

Увы, мой горный альпинистский опыт... Как тактично выразиться? Его, по сути, и не было. Ну, а если уже начистоту, без самооправданий, — не было вовсе. Ни крохи, ни пылинки.

Внутри меня лишь клокотал коктейль из адреналинового задора, священного трепета и щедрой порции заблуждений. На месте пустоты — нагромождение иллюзий. Я лелеял их, словно раритеты. Мои новейшие, лоснящиеся кроссовки, острые, как когти хищника? Защита. Сверхлегкая, дышащая, технологичная одежда ценой в месячную зарплату? Броня.

Мои накачанные мышцы, четко проступавшие под кожей после года изнурительного тренинга? Непоколебимая крепость. Я замороженно рассматривал себя в зеркале, этого нового, закаленного человека, и видел не тело, а доспехи, за которыми прятался все тот же испуганный мальчишка, не ведающий, что истинная битва развернется не на склонах, а в потемках его собственного черепа, где страх — король и палач.

Я верил в магию гаджетов и синтетики больше, чем в мудрость скал и ледников, накопленную веками. Я подменил суть — опыт, смирение, знание — на блестящую упаковку. Плюс простое везение — старую знакомую, не раз вытаскивавшую меня из передрыг. Я рассматривал Эверест как логичный, хоть и грандиозный, следующий шаг — как марафон после полумарафона. О, эта сладкая, отравляющая логика самонадеянности!

Глупец! Я свято верил, что этого достаточно. Что Эверест — это просто очень большая гора. Ошибка, цена которой измерялась не в метрах, а в кусках отнятой плоти и души. Я шел не столько на гору, сколько навстречу своему искаженному, героизированному отражению в ее ледяном зеркале.

Джомолунгма оказалась не просто горой... Она была Абсолютом. Безличной, индифферентной силой, перед которой моя «железная» воля растаяла, словно восковая; сущностью,

превосходящей все, что я мог вообразить в самых тревожных фантазиях. Она не атаковала — она просто была. И одного этого ее безмолвного присутствия хватило, чтобы меня сокрушить.

Как небрежный шаг исполина, даже не заметившего букашку под ногой, Эверест прошелся по мне всей своей неподъемной, ледяной тяжестью. Он не просто растоптал — он стер в порошок, в труху, не оставив ни целой косточки, ни клочка невредимой кожи. И в этом было самое страшное унижение — быть не противником, а ничем. Пылью.

Я был раздавлен физически и морально, а мои тщательно выстроенные иллюзии рассыпались, как карточный домик под ледяным ветром. То, что поднялось на гору с таким надрывным торжеством, не было мной. То был призрак — сплетение амбиций, самообмана и слепой веры в синтетические чудеса.

Эверест не стал сражаться с призраком. Он просто подул. Легко, словно сдувая пушинку с ладони. Иллюзия рассыпалась, и ее осколки обнажили жалкую, скомканную, как черновик стиха, сущность, не способную выдержать даже взгляд Джомолунгмы. И тогда я осознал: мой яростный марафон и вся эта маниакальная подготовка были лишь иллюзией пути.

На самом деле я не шел к вершине — я совершал долгое, мучительное падение. Я не готовился к восхождению. Я с математической точностью готовил собственное уничтожение. Гора же с самого начала была не символом мечты, а храмовым жрецом, принявшим мою добровольную жертву.

Истина эта пришла не в лавине и не в жерле ледника, а гораздо позже, в тишине больницы палаты, когда боль стала единственным доказательством моего существования. Оно пришло с ясностью, выжженной страданием: я не покорял Эверест. Эверест использовал меня, дабы продемонстрировать свою абсолютную репрессивную власть над всяким, дерзнувшим назвать себя человеком.

Но понимание это, этот крах — все это пришло потом, позже, сквозь боль и унижение. А в тот момент, на старте, окутанный его эйфорией, я не ведал и сотой доли того ада, что ждал меня. словно страус, сознательно зарывался в песок самообмана. Я боялся не горы, а знания о ней подлинного. Знания, что могло парализовать, лишит меня этой экстаической уверенности.

Я пребывал в некоей блаженной нирване, в пьянящем трансе неведения. Критическое мышление — сознательно отключено. Истинный враг был один — сомнение. Зачем? Чтобы не обременять себя терзаниями прежде срока, не оставлять страху ни щелки, не блуждать в пугающих догадках. Просто идти. Идти навстречу своей гибели с улыбкой фанатика.

Опьяненный собственной дерзостью, я купался в наркотике сильнее любого допинга. Внутри все трепетало от предвкушения — те самые «бабочки в животе», но не от страха, а от восторга. Я бездумно прозябал в этой самоупоительной неге, ощущая себя избранным и всесильным, совершенно глухим к нашептываниям разума, к тихому голосу инстинкта, кричавшему:

— Беги!

Я бежал, отчаянно отмахиваясь от дум о пустоте — той мрачной, что звенит тишиной. От смерти, чье ледяное дыхание таила в себе эта гора — непорочно прекрасная, вожденная, неподкупная в своей беспощадности. Моя гора. Моя погибель. Моя химера. Химера, которую я сам же и создал, чтобы заткнуть бездну тлена в душе слепящим блеском мнимого величия.

Иногда, в редкие минуты трезвости, пробивавшиеся сквозь наркотический туман подготовки, я ловил себя на мысли: гора смотрит. Не бездушная масса камня и льда, а нечто древнее, обладающее холодным, оценивающим разумом.

Ветер, вывший в щели моего импровизированного лагеря во дворе, звучал не как стихия, а как ее дыхание — размеренное, ледяное, терпеливое. Оно обволакивало меня, проникало под одежду, скреблось по костям, шепча что-то на недоступном языке вечности. И в этом шепоте не было угрозы. Была констатация: ты придешь. Ты принадлежишь мне. Я подожду.

Это знание, не рожденное разумом, а вспыхнувшее где-то в глубинах спинного мозга, заставляло меня резко вскакивать среди ночи, в поту, с бешено колотящимся сердцем.

И я снова бросался к картам, к снаряжению, к гилям — к чему угодно, лишь бы заглушить этот голос, лишь бы вернуть себе пьянящее чувство контроля. Я бежал от тишины, в которой звучало ее молчаливое присутствие.

Часть 4. Мечты. Грезы

Эверест. Для меня это слово всегда было сродни наваждению — сладкому и неотступному. Оно тянуло, звало, обещало нечто неизмеримо большее, чем просто вершина.

Казалось, она уже здесь, рукой подать, хоть до нее — тысячи километров. Но в своих мечтах я уже стоял на ней. Я чувствовал, как разреженный воздух жжет грудь, а сердце, выбиваясь из груди, стучит в унисон в такт вселенной.

По вечерам, когда мир за окном затихал, я погружался в свои грезы. Закрывал глаза — и передо мной разворачивались картины будущего восхождения. Вот я карабкаюсь по крутым скалам, цепляясь за каждый выступ, вот пробиваюсь сквозь снежную бурю, которая слепит глаза и сбивает дыхание.

А вот я уже на вершине, где небо такое близкое, что кажется, будто можно протянуть руку и коснуться звезд. Эти видения согревали меня изнутри, как огонь в холодную ночь. Они давали силы, подпитывали мою решимость, заставляли верить в то, что нет ничего невозможного.

Я был как ребенок, который, зажмурив глаза, не видит опасностей вокруг. Эверест окоченел, заморозил меня своей дикой, необузданной красотой и я шел на его зов, как загипнотизированный.

Предостережения бывалых альпинистов? Они казались мне лишь фоном, шумом, который не мог заглушить голос моей мечты. Я верил в себя, в свои силы, в то, что судьба будет ко мне благосклонна.

Но однажды реальность ворвалась в мой мир, как ледяной ветер, срывающий палатку. Сомнения, тихие и коварные, начали подкрадываться ко мне. Истории тех, кто не вернулся с вершины, звучали теперь не как легенды, а как предупреждения. Я начал понимать, что Эверест — это не просто гора. Это живое, дышащее существо, которое может быть как милостивым, так и беспощадным.

С каждым днем, приближающим меня к подножию гиганта, я все больше ощущал его мощь. И свою хрупкость. Тревога, которую я раньше игнорировал, теперь шептала мне на ухо: «Ты действительно готов?». Но отступить было поздно. Мечта уже завладела мной, как наркотик. Я знал, что даже если это будет мой последний шаг, я сделаю его.

Эверест — это не просто вершина. Это испытание, которое разделяет жизнь на «до» и «после». Это битва не только с природой, но и с самим собой. Со своими страхами, слабостями, сомнениями. И я был готов принять этот вызов. Готов идти до конца, даже если этот конец окажется падением. Потому что иногда падение — это тоже победа.

Карпинск. Конжаковский Камень

07.09.2018

Горы. Эверест. «Крыша Мира». Заснеженная, ослепительная, словно одетая в белоснежное платье королева. Она стоит, величественная и неприступная, а я сижу, замороженно вглядываясь в ее очертания, словно пытаюсь разгадать ее тайну. Она манит, обольщает, но в то же время напоминает: ты — ничто перед ее вечным спокойствием и мощью.

При виде Эвереста взгляд теряет четкость, как будто сама реальность рассыпается на атомы. Все внутри тебя, все человеческое, привычное, восстает против одной лишь мысли о нем. И это не просто страх — это инстинкт, голос разума, который шепчет: «Ты не принадлежишь этому месту». И он прав.

Там, на вершине, где земля встречается с небом, действуют иные законы. Там — убийственное давление, разреженный воздух, который не дает дышать, вечный холод, будто сама смерть выдыхает тебе в лицо. Там — мир, где человек — лишь гость и гость нежеланный.

Говорят, у гор есть своя музыка. Ее называют «музыкой гор». Говорят, она пьянит, сводит с ума, вдохновляет. Что ее слышит каждый, кто поднимается выше, к облакам. Не знаю. Возможно.

Но когда я карабкался по склонам, шел по краю, где каждый шаг мог стать последним, я слышал только одно: тяжелое, прерывистое дыхание и учащенный стук сердца, которое, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Вокруг была тишина. Пустота. И внутри — тоже. Ни музыки, ни вдохновения. Только борьба. Борьба с собой, с высотой, с этой бездной, которая зовет и пугает одновременно.

Но почему тогда горы влекут? Почему люди, зная все это, снова и снова идут туда? Может, ради этого самого момента, когда ты оказываешься на грани миров? Когда ты заглядываешь в ту бездну, в тот иной, параллельный мир, где все иначе?

Где ты чувствуешь, как близко то, что нельзя понять, нельзя объяснить, но можно ощутить. Там, в «зоне смерти», это чувство обостряется. Ты понимаешь, что стоишь на пороге чего-то большего, чего-то, что лежит за пределами человеческого понимания.

Эверест... Он всегда манил меня своей таинственностью, своей безграничной мощью. Он словно говорит: «Посмотри, как ты мал. Но если ты осмелишься, ты сможешь стать больше себя». И это не просто слова. Это вызов. Вызов, который бросает тебе не только гора, но и твой собственный дух.

Потому что взойти на Эверест только силой тела невозможно. Тело слабеет, адреналин угасает, но дух... Дух остается. Он не сдастся. Он не знает страха. Именно дух ведет тебя вперед, когда ноги уже не слушаются, когда холод проникает в каждую клетку, когда смерть становится твоим спутником. И ты понимаешь: душа — она вечна.

Ей все нипочем. Ни холод, ни боль, ни даже сама смерть. Потому что там, на вершине, ты уже не просто человек. Ты — часть чего-то большего. Ты касаешься неба. Ты дышишь другим воздухом, живешь в другом измерении.

И это чувство... Оно невозможно описать. Это кайф, это восторг, это момент, когда ты растворяешься в чем-то божественном, ирреальном. И ты понимаешь: ради этого стоит жить. Ради этого стоит снова и снова подниматься вверх, бросать вызов себе, переступать границы и находить себя заново — где-то между этим миром и тем, небесным.

И вот я здесь, вдалеке от него. Тело еще не знает изнурения высоты, легкие полны тяжелого, долинного воздуха, но дух уже парит там, в вышине, в той разреженной синеве. Эверест передо мной — не просто маршрут, не только вершина. Он — ОБРАЗ. Образ Абсолюта. Вызов, брошенный не моим мышцам и выносливости, а самой сути моего существа.

Он воплощает парадокс: его величавая, завораживающая красота — это лишь личина. Под ней скрывается безжалостный мир, где человек — ошибка эволюции, случайный гость в царстве льда, ветра и камня.

Я знаю о «зоне смерти», о замерзших телах-указателях, о кислородных масках и обморожениях. Я слышал байки о тех, кто не вернулся, — о галлюцинациях, потере рассудка, о том, как разум слабеет вместе с телом. Я читал про разреженный воздух, который превращает простой шаг в подвиг, про холод, способный убить за минуты.

Это знание должно было отвратить. Должно было заставить остаться здесь, внизу, где безопасно, тепло, где можно дышать полной грудью и восхищаться «Крышей Мира» со стороны, как восхищаются картиной в музее — на расстоянии, не рискуя. Но он манит. Сильнее.

Не вопреки опасности, а из-за нее. Именно эта пропасть между небесной красотой и адской реальностью, эта грань между жизнью и смертью — вот что влечет. Возможно, это безумие. Возможно, это та самая «музыка гор», о которой говорят, — но не мелодия, а оглушительный рокот ветра в ущелье, зовущий на поединок.

Почему? Ради чего? Ради того самого вопроса, который сейчас бьется в моей груди вместе с сердцем: «А смогу ли я?» Смогу ли выдержать взгляд этой бездны? Смогу ли найти в себе

то, что сильнее страха, сильнее холода, сильнее самой смерти? Ради того, чтобы проверить – где проходит моя граница? Где кончается «я» привычное, удобное и начинается что-то иное?

Эверест молчит. Он просто стоит. Вечный. Неподвижный. Не обещая ничего, кроме испытания. Но в его ледяном молчании – ответ. Он зовет не на победу над ним. Он зовет на победу над той частью себя, что шепчет: «Останься. Ты не принадлежишь этому месту». Он зовет к тому краю, где стираются все привычные ориентиры и остается только чистое, обжигающее присутствие. Присутствие перед Величием.

И я знаю: чтобы услышать тишину своей души на пределе возможного, мне придется ответить на этот зов. Не завтра. Но скоро. Путь начинается здесь, за несколько тысяч километров до него, с этого немого вопроса в глазах снежной королевы и с этого трепета в моем сердце, где страх и жажда слились воедино.

Карпинск. Север Урала

02.09.2018

Жажда преодоления. Жажда испытаний. И неминуемые падения, которые бьют так больно, что кажется, будто все твоё тело — это сплошная рана. Боль, страдания, ссадины, синяки, разбитые колени и сжатые зубы. Но ты знаешь, ради чего все это.

С того самого дня, когда ты сделал первый шаг, прошло немало лет. Годы, которые ты провел в погоне за мечтой. Годы, которые казались бесконечными, но ты не сдавался. И вот теперь она — близко. Ты чувствуешь это каждой клеткой своего тела. Скоро, совсем скоро, мечта станет реальностью. Она перестанет быть просто картинкой в твоей голове, она воплотится в жизнь.

Твоя жизнь всегда была на грани. Она бросала тебя в огонь и вытаскивала, чтобы снова бросить. Но она же научила тебя быть сильным. Закалила твоё тело, твой дух, твою волю. Ты прошел через ад, чтобы стать тем, кто ты есть сейчас. И ты почти готов. Почти.

Эверест. Я иду к тебе. У тебя есть своя точка невозврата, как и у меня. И я давно ее прошел. Оглядываться назад уже нельзя. Нет пути назад. Только вперед. Только вверх. Я хочу покорить тебя. Взять твой пик. Посмотреть в лицо твоему звериному оскалу и не дрогнуть. Я сделаю это. Чего бы мне это ни стоило.

Я помню каждый камень, каждую трещину на пути к тебе. Помню, как ветер выл в ущельях, словно насмехаясь над моей дерзостью. Помню лица тех, кто сомневался, и тех немногих, чья вера горела ярче полярной звезды. Их огонь теперь во мне. Он не гаснет. Он не может погаснуть.

Я знаю тебя, Эверест. Знаю твои коварные игры. Ты прячешься за маской величавой красоты, но под ней – ледяная бездна, готовая поглотить слабого. Ты испытываешь не высотой, а тишиной перед бурей, невидимой пропастью под ногами, кислородным голодом, выжигающим разум.

Ты проверяешь не тело – ты дробишь волю. Но моя воля закалена в этих самых падениях. Каждое разбитое колено, каждый сжатый зуб – это кирпич в стене моей решимости.

Сейчас, здесь, на этой грани, прошлое спрессовалось в чистую, неистовую силу. Боль? Она стала языком, на котором я говорю с тобой. Усталость? Это лишь топливо для последнего рывка. Сомнения? Их сдул ветер с высоты восьми тысяч метров. Осталось только движение. Вперед. Вверх.

Ты – последний рубеж. Последняя тень между мной и солнцем моей мечты. Я не просто иду к тебе. Я иду сквозь тебя. Сквозь твои ледниковые щиты, сквозь твои разреженные миазмы, сквозь саму гравитацию, тянущую вниз, к теплу и покою, которых для меня больше не существует. Мой покой – это вершина. Или вечность в попытке ее достичь.

Я пришел не просто покорить. Я пришел доказать. Себе. Жизни. Всем тем падениям. Что жажда сильнее страха. Что испытание – это дверь, а не стена. Что после точки невозврата есть только одна истина: вверх.

Эверест... Готовься. Я беру твой пик. Не просто ступлю на него – возьму его зубами, вобьюсь кошками в твой каменный оскал, рвущими легкие вдохами вырву у тебя победу. Это не дерзость. Это судьба. Написанная кровью, потом и годами бесконечного "еще шаг". Я иду.

*Североуральск*¹⁴. *Северный Урал*

04.10.2018

Вперед, к новым горизонтам, к новым испытаниям! Через "не могу", через "не хочу". На пределе сил, на последнем издыхании. Когда старые раны еще не зажили, но внутри уже горит огонь — тяга к преодолению, драйв, который опьяняет, эйфория, от которой кружится голова. Адреналин бьет через край и ты чувствуешь, как каждая клетка твоего тела кричит: "Двигайся! Иди! Покоряй!"

Горы зовут. Они не просто манят — они будоражат, возбуждают, заставляют сердце биться чаще. Они уже стали частью тебя. Они в твоих мыслях, в крови, в каждом вздохе. Они как навязчивая мелодия, которую невозможно забыть, как страсть, которую нельзя игнорировать.

Горы — как строптивая, непокорная женщина, которую нужно завоевывать снова и снова. Они не дают тебе покоя. Ты уже поработан ими, очарован, пленен. Ты жаждешь их, как жаждешь воздуха. Ты хочешь снова почувствовать их холодный ветер на лице, их каменные объятия, их безмолвный вызов.

Ты хочешь снова испытать эти запредельные ощущения: крутые подъемы, от которых горят мышцы, головокружительные спуски, от которых захватывает дух.

Ты хочешь снова почувствовать боль — отбитые руки, израненные колени, пульсирующие виски, как будто молот бьет по наковальне. Потому что это не просто боль — это доказательство того, что ты жив. Что ты можешь больше. Что ты — сильнее.

Ты уже не можешь иначе. Горы — это не просто вершины где-то далеко. Они — в тебе. Они — твоя реальность, твоя грань, твоя суть. Они зовут и ты не можешь отказать. Потому что ты уже принадлежишь им. И они — тебе.

Это порочный, сладостный круг. Ты возвращаешься снова и снова, зная цену. Зная, что отдашь последние силы, что будешь корчиться от усталости в холодном спальнике, что старые шрамы напомнят о себе, а новые прибавятся. Но ты обречен. Как наркоман на иглу, как влюбленный на свидание.

Горы выжгли в тебе все лишнее, оставив только эту первобытную, животную тягу. Ты прикасаешься к шершавой скале, вдыхаешь разреженный воздух, и каждая клетка откликается древним зовом — зовом высоты, риска, абсолютной подлинности бытия. Ты не просто идешь по склону — ты возвращаешься домой, к самому себе, к своей дикой, неприрученной сути.

Карпинск. Северный Урал

17.10.2018

Последнее время, я все чаще стал засматриваться на мечту своей жизни. Иногда подолгу сижу и не могу оторваться от нее.

Вершина, пик самой высокой горы в мире — она завораживает, захватывает. Манит тебя своими причудливыми формами, гранями. Ты словно погружаешься в них. Уходишь с головой со всеми мыслями.

Неприступная, недосыгаемая высота. Покоящаяся там где-то в тумане, среди белых сливок облаков. Она так прекрасна, так грациозна, изящна. И так хочется подняться по ее бело-снежным склонам. Овладеть ею.

---

¹⁴ Город областного значения в Свердловской области России на Севере Урала, административный центр Североуральского городского округа.

Сколько их есть и было в твоей жизни этих высот? Не счесть. Всю жизнь ты ползешь, карабкаешься к этим своим «вершинам». И было все — взлеты, падения, боль, слезы разочарования. Но тем более еще притягательней она — эта вершина, эта высота.

Потому что вынуждает тебя вновь вставать «подниматься с колен» и идти вперед. Потому что жизнь научила, заставила тебя, призвала. И ты не можешь по-другому, иначе.

Я хочу захватить, подмять под себя. Взобраться на самую высокую гору мира. Потому что хочу бросить вызов этой своей судьбе. Пойти наперекор ей.

Взять верх над собой, перешагнуть через себя. Ведь вся наша жизнь — это одни вызовы, борьба, преодоления, испытания...

Мечты, наши мечты и грезы. Они возвышали. С ними как-то сподручнее было проводить время. Они помогали, отвлекали, когда на меня гурьбой нахлынули проблемы или когда мне становилось вдруг плохо, не по себе. Вселяли уверенности.

Были для меня той надежной опорой, пристанью, за которой я мог благополучно укрыться и перенести ту или иную «черную полосу» в своей жизни. А их на пути к Эвересту было не мало. Но Бог всегда хранил, поддерживал и вел меня к моей цели.

Иногда я уверял себя в том, что Эверест — это было просто банальным бегством от любви неспрошенной, неприкаянной, которую я переживал тогда невыразимо как. И я всеми силами пытался так забыть, подавить ее в себе.

Несомненно, доля правды в этом тоже была. Любовь сковывала, угнетала, тащила назад. Но мысли об Эвересте всегда брали верх. Мдаа безудержная и безутешная любовь, тогда сыграла со мною «злую шутку».

Однако едва ли можно утверждать, что она была первопричиной такого моего опрометчивого шага, поступка как пойти на Эверест. По сути в никуда.

Скорей всего я оказался тогда во власти собственных чувств, эмоций и противоречий, которые раздирали меня изнутри. Поэтому меня так дико и беспощадно лихорадило, кидало из одной крайности в другую.

И были дни, когда я и вовсе не находил себе места. Но это происходило только лишь отчасти. Все же своею душой, я был выше всех этих внешних обстоятельств и коллизий. Я как бы стоял, приподнимался над ними.

И вообще над всем, что тогда окружало меня, перед главным испытанием всей моей жизни — восхождением на гору Мира. И они не так сильно затронули меня. Но, с другой стороны, оставили горький осадок, неисцельную рану, которая потом еще долгие годы давала о себе знать.

В лабиринте своих мыслей я блуждал, словно путник, затерянный в густом, непроглядном тумане. Безуспешная любовь, как тяжелый груз, тянула меня в глубины отчаяния, но мечты об Эвересте, словно невидимый магнит, влекли к вершинам с неизбежностью родовых схваток.

Каждая миля на пути к этой величественной горе был отмечен болью, сомнениями и испытаниями, но где-то внутри теплилась искра надежды, которая не давала остановиться.

Недоброжелательность окружающих, их скепсис и насмешки лишь разжигали во мне огонь решимости. Финансовые трудности казались непреодолимой стеной, но я твердо верил: если есть желание, найдется и способ. Семейные неурядицы терзали душу, оставляя глубокие раны, но я отказывался сдаваться.

Иногда я ловил себя на мысли, что Эверест — это лишь предлог, попытка убежать от боли неразделенного чувства. Но в глубине души я знал: это не вся правда. Горы звали меня, обещая нечто большее.

Горы стали для меня не просто местом, а состоянием души. Они дарили свободу от земных забот, очищали от гнетущего негатива и вдохновляли на новые свершения.

Я понял, что восхождение на Эверест — это не просто физический подвиг. Это путешествие внутрь себя, поиск ответов на вопросы, которые я долго боялся задать. Это был вызов, который я бросил самому себе.

Многие думают, что альпинисты идут в горы, чтобы спрятаться от проблем. Отчасти это так. Горы дают ощущение свободы, позволяют отстраниться от суеты и взглянуть на жизнь с высоты.

Но Эверест — это не просто побег. Это испытание, которое раскрывает твою истинную суть. Оно проверяет на прочность, заставляет бороться с собой, с природой, с обстоятельствами. Это трансцендентный опыт, который меняет тебя навсегда.

Для меня Эверест стал символом надежды. Местом, где я мог оставить прошлое и начать новую главу своей жизни. Я не стал обманывать себя: безответная любовь была не единственной причиной моего решения.

Но именно она стала тем толчком, который заставил меня искать спасения в горах. Я понимал, что путь будет тяжелым, опасным, возможно, даже смертельным. Но я был готов. Готов пойти на край света, чтобы найти себя.

С тяжелым рюкзаком за плечами я ступил на тропу, ведущую к Эвересту. Любой мой шаг отдавался эхом в моей душе. Впереди ждали ледяные ветры, кислородное голодание, лавины и трещины, скрытые под снегом. Но я не боялся.

Ведь именно в трудностях рождается величие. Эверест был не просто горой. Он был моим Эверестом — символом борьбы, преодоления и надежды. Я шел к нему, чтобы стать лучшей версией себя.

Мечта об Эвересте перестала быть просто красивой грезой. Она стала моим щитом и мечом. Когда накатывала волна тоски по ней, когда пустота внутри угрожала поглотить, я цеплялся за образ вершины, как за спасительный якорь. «Эверест ждет», — шептал я себе, и эти слова имели магическую силу.

Они не стирали боль, нет. Они трансформировали ее. Слезы разочарования в любви как будто замерзали и превращались в лед решимости под воображаемыми кошками. Горечь неудач становилась знакомым привкусом на губах во время изнурительных тренировок в горах поменьше — репетиций перед главным действием.

Я научился видеть в своих ранах не слабость, а источник странной, почти мистической силы. Каждая «черная полоса», каждая насмешка, каждая финансовая дыра, которую приходилось затыкать невероятными усилиями, — все это были не просто препятствия.

Это были ступени. Ступени, ведущие вверх, к той самой неприступной высоте. Я начал благодарить судьбу за эти удары. Они закалили меня, сделали нечувственным к обыденным трудностям. То, что раньше казалось катастрофой, теперь было лишь мелкой помехой на пути к действительно важному.

Эверест стал не просто целью. Он стал языком, на котором моя душа могла заговорить о самом сокровенном — о жажде абсолютной свободы, о потребности в абсолютном испытании, о поиске точки опоры не вовне, а внутри.

Он был зеркалом, отражавшим не мое прошлое горе, а мой будущий, еще не раскрытый потенциал. И эта вера в то, что там, на вершине мира, меня ждет нечто большее, чем просто вид, — откровение, перерождение, встреча с истинным «Я» — эта вера горела во мне ярче любого страха или сомнения. Она была моим компасом, моим топливом, моей краеугольной правдой.

Где-то в глубине души я знал: восхождение на Эверест — это не просто попытка заглушить боль неразделенной любви. Это было что-то большее. Зов, который я не мог игнорировать. Зов, который звучал во мне, как набат, напоминая, что я должен это сделать.

Горы... Они всегда манили меня. Их недоступные вершины, их холодное величие, их опасность, которая пугала и одновременно притягивала. Они обещали нечто неземное — красоту, которую нельзя описать словами и испытания, которые нельзя избежать.

С каждым днем подготовки моя мечта становилась все реальнее. Я чувствовал, как она обрывает деталями, как будто из туманного видения превращается в четкий план. Я тренировался до изнеможения, до боли в мышцах, до головокружения.

Каждое действие, каждое упражнение, каждый грамм снаряжения — все это было частью моего пути к вершине. Я собирал деньги, обращался к друзьям, к семье, искал поддержки, искал тех, кто разделит со мной эту авантюру. Каждый раз, когда кто-то верил в меня, я чувствовал, как моя решимость крепнет.

Но вместе с энтузиазмом росло и беспокойство. Оно клубилось где-то внутри, как холодный туман, напоминая о том, что Эверест — это не просто гора. Это смертельная ловушка. Холод, который может убить за минуты. Разреженный воздух, который лишает сил и ясности мысли.

Лавины, готовые обрушиться в любой момент. Ледяные трещины, скрытые под тонким слоем снега, — один неверный шаг и ты исчезнешь навсегда. Я знал все это. Я читал истории, слышал заклятья, видел фотографии тех, кто не вернулся. Но даже мысль о том, чтобы отказаться, была для меня невыносима. Это было бы предательством самого себя.

Часть 5. Перелет в Катманду

«Считанные недели, дни...» — этот отсчет звучал в моей голове, как тиканье часов, как сгущающиеся перед бурей тучи, приближая момент, к которому я шел всю свою жизнь. Восхождение на Эверест. Мечта, которая когда-то казалась недостижимой, теперь была на расстоянии вытянутой руки.

За плечами остались месяцы, нет, годы подготовки, тренировок, сомнений и надежд. Но сейчас началось самое главное — превращение мечты в реальность. Я чувствовал, как сердце бьется чаще, будто пытаюсь выбиться из груди. Это было оно — то самое ощущение, ради которого я жил все эти годы.

Тяжеловесные сумки стояли упакованные, выверенные до последней скрепки, как снаряжение солдата перед десантом в ад. Каждый предмет в них был молчаливым свидетелем моей мании, отполированным до блеска фанатизмом. Касание ледоруба, холодное и знакомое, вызывало не страх, а странное успокоение — оружие было в руках.

Но даже эта привычность не могла заглушить подспудный холодок, пробежавший по позвоночнику всякий раз, когда взгляд наткнулся на бирку с надписью «Lukla» — врата в этот ледяной кошмар. Время сжалось в тугую пружину.

Каждый час тянулся как резина, наполненный скрупулезной проверкой списков, бессмысленными переключиваниями вещей и закольцованным счетом: дни... часы... минуты до вылета. Воздух вокруг стал густым, как сироп, пропитанный ожиданием и неммым вопросом: «Готов ли ты на самом деле?».

Когда город за окном затихал и воцарялась абсолютная тишина, прорывался шепот. Не голос страха — нет, что-то глубже. Голос инстинкта самосохранения, задавленный месяцами дрессировки, но не уничтоженный до конца. Он шептал: «Остановись. Оглянись. Ты идешь не к, ты идешь от. От чего?»

Но я глушил его музыкой в наушниках, выворачивая ручку громкости до отказа, легким сетом разминочных упражнений, лихорадочным изучением прогноза погоды на базовом лагере. Признать его правоту значило рухнуть, рассыпаться в прах всей этой тщательно выстроенной башни самоуверенности. Лучше слепота. Лучше пьянящий дурман предвкушения.

И вот он, последний вечер. Я сидел среди громоздивших сумок, утыканных ледорубами и карабинами. Взгляд уперся в фотографию Эвереста на закате — огненный, величественный, нереальный. В этот момент вся боль, весь пот, все сомнения отступили, смытые приливом чистой, неразбавленной эйфории.

Я чувствовал себя тем самым воином, тем самым избранным. Гора была не хищником, не злом. Она была целью. Блестящей, манящей, абсолютной. Я поднял воображаемый бокал к ее пику на фотографии.

"Завтра," — прошептал я в тишину комнаты, и это слово звенело, как удар ледоруба по чистому льду. "Завтра мы начнем. Я и ты. И победит сильнейший". Иллюзия была совершенна. Я купался в ней, как в теплых водах забвения, готовый шагнуть навстречу своей прекрасной катастрофе.

Долгожданный день настал. Баулы, рюкзаки, снаряжение — все было собрано до последней мелочи. Каждый предмет в моем рюкзаке был частью меня, частью моей истории, моей жизни, сжатой до компактных размеров. И вот я уже шагаю в неизвестность, в дальнейшее путешествие в Непал, в самое сердце Гималаев.

Я не знал, что ждет меня там. Не знал, чем обернется эта авантюра, которая казалась одновременно и безумной, и неизбежной. Но обратного пути не было. Да я и не хотел его искать. И вот уже последний вдох городского воздуха, пропитанного запахами асфальта и при-

вычной жизни. Последнее прикосновение к ускользающему теплу дома, которое теперь хранилось лишь в памяти.

Дверь такси захлопнулась с глухим щелчком, словно отсекая прошлое. Каждый километр, уносивший меня прочь, был шагом в иную реальность, где законы родных улиц теряли всякий смысл. Впереди был только ветер, камень, лед и тишина, нарушаемая стуком сердца и шелестом мыслей о восхождении.

А дальше – самолет. Шаги по перрону, голоса из динамиков – все отдавалось внутри гулким эхом. Я отрезал прошлое, как альпинист ненужную веревку. Здесь, в точке невозврата, оставались только я и гора. Весь мир сжался до рюкзака за плечами и мерного биения сердца, отсчитывающего последние мгновения перед прыжком в неизвестность.

Воздух казался густым, насыщенным обещаниями и страхами, которые я вбирал полной грудью. Это был не просто перелет. Это был ритуал превращения: из человека обыденности – в человека гор. Одиночество навалилось внезапно, несмотря на толпу вокруг. Оно было не тягостным, а очищающим. Я был наедине со своей мечтой, и ничто больше не имело значения.

Каждый человек в аэропорту шел своей дорогой, но моя вела только туда — к подножию великана, бросившего вызов небу. Шепот сомнений, голоса тех, кто называл это безумием, окончательно стихли. Их заглушил нарастающий гул турбин — марш начала пути. Я закрыл глаза, и передо мной встал не призрачный образ горы из снов, а четкая, почти осязаемая реальность склонов и льдов. Она ждала. А я больше не мог ждать.

Самолет «Уральских авиалиний», набирая высоту, пробил слой облаков... И вот она – пронзительная синева, а где-то там, в ее небесной глубине, мне впервые явятся они: заснеженные исполины. Не фотографии, не мечты, а сама плоть и кровь планеты.

Эверест был еще далек, но его присутствие ощущалось уже сейчас – как незримое магнитное притяжение. В груди екнуло – не страх, а осознание абсолютной инаковости мира, в который я вступал. Мира, где воздух будет жечь легкие, а красота испытывать на прочность душу. Мира, который так долго созидался в моем воображении и наконец обретал статус неоспоримой данности, непреложной истины.

Дубай. Арабские Эмираты. Первая пересадка. Я стоял, замороженный, среди этого царства роскоши и блеска. Монументальные небоскребы, словно гиганты из стали и стекла, пронзали небо, сверкая на солнце так, что казалось, будто они соревнуются с самим Эверестом в дерзости и высоте.

Воздух гудел от кондиционеров и шипения лимузинов, а под ногами мраморные полы сияли холодным, бездушным светом. Я чувствовал себя крошечной песчинкой в этом рукотворном мире, где все вокруг было словно из футуристической сказки — слишком красиво, слишком нереально, слишком далеко от земли.

А потом Шарджа. Вторая пересадка. Здесь все было иначе — спокойнее, человечнее, но не менее удивительно. Я бродил по узким улочкам, заглядывая в лавки, где на полках теснились восточные сокровища: яркие ткани, переливающиеся как крылья тропических птиц, загадочные украшения, хранящие шепот пустыни, специи, источающие ароматы, которые кружили голову и переносили в далекие караванные пути.

Краски базара – изумрудные, шафрановые, лазурные – были ослепительны, но словно накладывались на другую картинку: монохромную гамму белого, серого и синего вечных льдов. Шум торга, крики муэдзина – все это звучало приглушенно, как сквозь вату, уступая место фантомному гулу ветра в ушах, ветра, которого здесь, в душном переулке, не было и в помине.

В перерывах между рейсами, сидя в залах ожидания или даже в шумном базарном переулке, я закрывал глаза — и видел его (Эверест). Но это был не пейзаж. Это была гигантская кристаллическая структура, внедренная в плоть планеты. Его ребра и грани, выточенные ветром, подчинялись не законам геологии, а какой-то иной, безупречной геометрии.

Он сиял под солнцем не отраженным светом, а горел изнутри холодным, ядерным пламенем застывшей материи. Он был айсбергом в океане атмосферы, и его подводная часть уходила в самые глубины моей психики. Он манил с силой притяжения черной дыры, как самая сложная и прекрасная формула, которую необходимо решить ценой всего.

Я уже почти физически чувствовал ледяной ветер, обжигающий лицо, слышал хруст фирна под ботинками, видел себя на заветной вершине — маленькую фигурку с флагом в оконеченных пальцах, смотрящую на изогнутую линию горизонта с высоты 8848 метров. Это было не просто мечтание — это было предчувствие схватки, жгучее ожидание испытания, пульсирующая уверенность в победе, ради которой я и ступил на этот путь.

Самолет, как огромная стальная птица, мчался вперед, а я летел вместе с ним, словно под гипнозом. Каждая минута сливалась в единый поток времени, наполненный мыслями о предстоящем испытании. Я представлял, как буду преодолевать ледяные трещины, как буду бороться с усталостью, как вдохну воздух, разреженный до предела.

И в эти моменты я уже был там — на вершине, чувствуя, как преодолеваю не только гору, но и самого себя. Но вместе с этим чувством триумфа приходили и сомнения. Они прокрадывались в мои мысли, как ползучая тень, напоминая о рисках. Истории о трагедиях, о тех, кто так и не вернулся с Эвереста, всплывали в памяти, словно предупреждения.

Страх шептал: «Ты уверен, что готов?» Но я знал, что этот страх — лишь часть пути. Он не мог остановить меня. Потому что где-то там, на вершине, меня ждало нечто большее, чем просто высота. Там ждала встреча с самой собой — тем, кто способен преодолеть все.

За время этого долгого полета было о чем вспомнить, о чем поразмыслить. Как будто вся моя жизнь развернулась перед глазами и я, с какой-то ненасытной жадностью, почти с остервенением, перебирал каждую ее деталь. Словно боялся, что в любой момент все это может исчезнуть и я останусь наедине с пустотой.

Мысли не отпускали. Я думал об Эвересте. О том, что ждет меня впереди. О встрече, которая уже давно стала неизбежной. Для меня он был не просто горой, не просто вершиной. Он был тем самым недостающим пазлом, который я должен был найти, чтобы завершить картину своей жизни.

Да, у Эвереста была репутация — суровая, пугающая. Но для меня он был чем-то большим. Он должен был встроиться в мою систему координат, в мои приоритеты, стать той самой точкой, которая соединит все линии.

До этого момента все кусочки пазла сходились, пусть не идеально, но они находили свои места. Однако чего-то не хватало. Одного элемента, который завершил бы картину, сделал ее цельной. Этим элементом и был Эверест.

Вы спросите: «Почему? Почему именно он? Почему недостающее звено?» Ответ прост. Это как в любом деле, которое мы начинаем и которое обязаны довести до конца. Так и здесь. Нужно было поставить точку, завершить эту эпопею, чтобы наконец почувствовать: ты сделал это. Ты справился.

И, конечно, страсть. Чисто спортивный интерес. Это то, что движет всеми, кто когда-либо поднимался на высокие горы. Я не исключение. Слишком много времени прошло с тех пор, как все это началось. Слишком много сил, эмоций, надежд было вложено. Я не мог просто взять и уйти, хлопнув дверью. Не мог позволить себе бросить то, что собиралось по крупицам, с таким трудом и упорством.

Казалось бы, что весь этот мозговой шторм и самокопания никогда не прекратятся. Но это длится до той поры, пока ты не пролетаешь над горным поясом Гималаев, в котором уместно самое большое количество восьмитысячников в мире.

Его хорошо видно из иллюминатора самолета на подлете к самому городу Катманду¹⁵. Он опоясывает его, как-бы беря в клещи и тянется на многие километры вглубь. И эта панорама столь же величественна, сколько и неповторима, когда-либо открывавшаяся нашему взору.

Скалы одетые в белую бахрому возвышались, достигая заоблачных высот, готовые упереться в небо. Казалось, эта перекидывающаяся с бок на бок волнообразная белизна дойдет и до тебя...

Гималайские горы тогда почти сразу произвели на меня неизгладимое впечатление. Причем настолько сильное, что даже сейчас, спустя годы, я отчетливо помню каждую деталь той картины, промелькнувшей за иллюминатором.

Казалось, самолет летит прямо сквозь снежную бурю. Вокруг клубились белоснежные облака, переплетенные с вершинами гор. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь эту завесу, вспыхивали на ледниках ослепительными бликами, заставляя зажмуриваться.

От увиденного захватывало дух – до этого момента я и представить себе не мог, насколько колоссальными, незыблемыми могут быть творения природы. В сравнении с ними, стальной корпус самолета, несущий меня навстречу мечте, казался хрупкой скорлупкой.

Внизу, точно застывшие волны бушующего океана, простирались заснеженные хребты. Одни вершины, острые, словно иглы, вонзались прямо в синеву неба. Другие, округлые и пологие, напоминали спины спящих исполинов, укрытых белоснежными одеялами. И над всем этим величием невозмутимо спокойный, царил Эверест.

Я вглядывался вдаль, пытаюсь разглядеть его сквозь пелену облаков. И вот, наконец, он явил себя — белоснежный пик, сверкающий в лучах солнца, словно огромный бриллиант. На миг показалось, что он живой – дышит, притягивает к себе взгляды, испытывает на прочность.

В этот момент все мои сомнения, терзавшие меня последние месяцы, улетучились. Я точно знал — назад дороги нет. Я должен был покорить его, этот заснеженный пик, ставший для меня не просто какой-то отдушиной, «данью моды», а символом борьбы, вызова самому себе.

Самолет начал снижаться, пробиваясь сквозь плотные слои облаков. Картина за стеклом сменилась. На смену величию заснеженных вершин пришли зеленые склоны, изрезанные извилистыми лентами рек, крошечные, словно игрушечные домики.

Мы приземлились в Катманду, городе, который должен был стать отправной точкой в моем самом сложном и опасном путешествии. Впереди меня ждал Эверест.

---

¹⁵ Столица и крупнейший город Непала, его исторический, экономический, политический и культурный центр. Население города составляет более 1 млн человек. Горная долина Катманду, высотой около 1300 м, - историческая область Непала, знаменитая неварскими городами Катманду, Лалитпур, Бхактапур, Киртипур, Панаути и многочисленными монастырями, храмовыми центрами и культурными памятниками.

Часть 6. Гималаи. Дорога на Эверест

Горный поселок Намче-Базар

высота 3440 м.

01.06.2019

Посадка в аэропорту Катманду напоминала погружение в какой-то неведомый хаос. Самолет, словно уставший путник, приземлился на узкую полосу, окруженную со всех сторон величественными, подпирающими небо Гималаями.

Воздух густой и пряный, испепелил все прошлое этой смесью ароматов благовоний, специй и чего-то неуловимо экзотического. Вокруг сновала пестрая толпа: туристы с рюкзаками, монахи в бордовых одеждах, местные жители с огромными корзинами на спинах. Казалось, каждый здесь спешит по своим делам, не обращая внимания на прибывающих чужеземцев.

Шум, гам, крики носильщиков, предлагающих свои услуги — все это оглушало и сбивало с толку. Но сквозь эту какофонию до меня донеслась мелодия, льющаяся, казалось, с самих небес.

Звуки флейты, переплетенные с ритмичными ударами барабана, создавали удивительно гармоничную мелодию, которая словно убаюкивала, обещая покой и умиротворение. Это было первое прикосновение к Непалу, к его древней культуре и мистической атмосфере.

Получив свой багаж, я вышел из здания аэропорта и сразу же оказался в окружении таксистов, наперебой предлагавших свои услуги. Выбрав одного из них, я назвал адрес гестхауса, забронированного еще в Екатеринбурге. Машина петляла по узким улочкам, вдоль которых теснились дома, лавки, храмы.

Город жил своей особой, размеренной жизнью, словно не замечая суеты и тревог внешнего мира. Женщины в ярких сари, мужчины в традиционных непальских костюмах, дети, играющие прямо на улицах, коровы, лениво разгуливающие по проезжей части — все это создавало ощущение нереальности происходящего, словно я попал на страницы приключенческого романа.

Добравшись до гестхауса, я заселился в небольшую, но уютную комнату. Усталость после долгого перелета давала о себе знать, но желание поскорее окунуться в атмосферу этого удивительного города было сильнее. Я оставил вещи в комнате и отправился на прогулку, решив просто бродить по улицам, впитывая в себя новые впечатления.

Катманду поражал своей многогранностью. Здесь древние храмы соседствовали с современными зданиями, узкие улочки переходили в просторные площади, а в воздухе витал дух древности и мистики.

Проходя мимо храма Сваямбунатх, я увидел молящихся людей, крутящих молитвенные барабаны. Их лица светились спокойствием и умиротворением. В этот момент я понял, что Непал — это не просто страна высоких гор и древних храмов.

Это особое место, где люди живут в гармонии с природой и самими собой. И именно здесь, у подножия Гималаев, мне предстояло совершить восхождение к своей мечте, к вершине Эвереста.

Непал¹⁶... Маленькая страна, затерянная в южных склонах Гималаев, словно драгоценный камень спрятанный от мира. Она встретила нас как родственная душа, обняв теплом своего гостеприимства, несмотря на всю свою нищету и вечный праздник жизни.

---

¹⁶ Государство в Гималаях в Южной Азии. Граничит с Индией и Китаем. Столица - город Катманду. Площадь: 147 516 км². Население: 29 640 448 чел. (2022 г.)

Узкие, извилистые улочки, вымощенные камнями, которые помнят шаги тысячелетий, вели нас через шумные базары, мимо лавочек, где жизнь бурлит, как горная река. Здесь, среди грязи, пыли и дыма кострищ, чувствовалась какая-то особая, почти мистическая гармония.

Непал — это страна контрастов. Хаотичный транспорт, галдящие толпы, запахи специй и дыма, смешанные с ароматом горного воздуха. И все это — под небом, которое кажется таким близким, будто его можно коснуться рукой.

Несмотря на всю суету, здесь чувствуешь себя как дома. Ты вдруг начинаешь замечать мелочи: как солнечный луч играет на стене древнего храма, как ветер шепчет что-то на ухо, как улыбаются местные, словно знают какой-то секрет, недоступный остальному миру.

И ты сам становишься другим. Будто возвращаешься в детство, когда все вокруг — чудо. Каждый звук, каждый запах, каждое прикосновение к шершавой стене или теплой глиняной чаше — все это вызывает восторг.

Даже когда на тебя чуть не наезжает древний, выдавший виды велосипед или тележка, ты не злишься. Только улыбаешься, подтруниваешь над водителем и отправляешь его дальше, с легким сердцем.

Катманду — древняя столица, где время течет по своим законам. Здесь царит атмосфера блаженства и легкой беспечности. Архаичный город, который словно живет в своем ритме, где прошлое и настоящее переплетаются так тесно, что уже не понять, где кончается одно и начинается другое.

Попав в этот водоворот, я буквально ожил, чувствуя себя в своей стихии, как будто обрел утраченный дом. Здесь я был собой — свободным, счастливым, безраздельно принадлежащим текущему мгновению.

Но этот момент умиротворения был лишь затишьем перед бурей. Где-то там, за горизонтом, дышала ледяным сном моя цель. Сердце билось как барабан, отбивая ритм заезженной пластинки — Эверест ждал. В моем воображении я уже парил над его короной, но реальность была иной: прежде всего мне предстоял короткий, но смертельно опасный перелет в Луклу¹⁷, взгляд на исполина издалека.

Бетонка встретила нас предрассветной дрожью. Механик, невысокий непалец с кожей, будто выдубленной ветрами и солнцем в кожаную карту, молча кивнул. Весь немой посыл я прочел в его взгляде: «Удачи. Будь осторожен. Обязательно вернись».

Рычание двигателя разорвало утреннюю тишину. Металлическая птица затрепетала, застонала — и вот уже земля ушла из-под ног. Первое ощущение — невесомость, смешанная со священным трепетом. Непал раскрылся подо мной, ведическая мандала, вытканная из терракотовых крыш, золотых пагод и извилистых рек, блестящих на солнце, словно серебряные нити.

А потом начались горы.

Сначала — лишь холмы, покрытые изумрудными шапками лесов. Потом — первые великаны, и мое дыхание перехватило. Гималаи. Не просто горы, а костяк мира, обнаженный и вознесенный к небесам.

Солнце, только что вырвавшееся из плена горизонта, ударило по снежным пикам, и они вспыхнули ослепительным белым пламенем. Это был не свет — это была музыка, застывшая в кристаллах льда, оратория тишины и величия.

Но небесный собор вскоре сменился чистилищем.

Самолет нырнул в ущелье между двух исполинских хребтов — это был выносливый канадский ДНС-6 Twin Otter, легкий транспортник, один из тех, что служат здесь крылатыми

---

¹⁷ Лукла (Lukla) — небольшой городок в районе Солукхумбу на востоке Непала. Это ключевой перевалочный пункт для туристов и альпинистов, направляющихся к Эвересту. Мировую известность ему принес аэропорт, считающийся одним из самых опасных в мире из-за короткой полосы (527 м) с крутым уклоном, начинающейся у обрыва и упирающейся в скалу.

извозчиками. Скальные стены обступали нас вплотную; их черные базальтовые грани были так близко, что, кажется, протяни руку — и коснешься вечности. Внизу, в зеве пропасти, ревела бурная река Бхоте-Коси¹⁸, пенная от ярости.

И тут случилось.

Резкий толчок, будто невидимый гигант ударил кулаком по корпусу. Самолет затрясся, как в лихорадке. Лопасты, издававшие ровный гул, завывали пронзительно, надрывно. Из кабины пилота донеслось отрывистое ругательство на непали.

— Вихрь! — крикнул он через плечо, лицо напряжено, но руки на рычагах тверды, как скала. — Держись!

Мы попали в воздушную яму, рожденную столкновением ветров с ледяных склонов. Машину швыряло из стороны в сторону. Мой желудок ушел в пятки, сердце застучало в висках, заглушая рев двигателя. В окне мелькали то ослепительная лазурь неба, то черная, немилосердная скала, стремительно надвигающаяся. Мы падали. Нет, нас бросало вниз, в бездну, которая разверзлась под нами, готовая поглотить.

В эту секунду страх был не абстрактным. Он был вкусом меди на языке, холодным потом на спине, ледяными пальцами, сжимающими грудь. Я видел лицо второго пилота — молодого парня, его глаза широко раскрыты, губы плотно сжаты.

Мы все были на волосок от гибели. Мысли пронеслись последним, прощальным каскадом: мечты, которые не сбудутся; лица, которые больше не увидишь; вершина, которая так и останется недостижимой точкой на карте.

И в этот миг предельного ужаса я взглянул вниз.

Там, в расщелине, на крошечном клочке земли, прилепилась, как ласточкино гнездо, деревушка. И на крыше одного из домов стоял ребенок. Маленькая фигурка в ярко-красном. Он махал нам. Махал обеими руками, будто стараясь передать через километры пустоты некое послание: «Я здесь! Я вижу вас! Летите!»

Этот алый мазок на фоне вселенской мощи гор стал точкой опоры. Паника отступила, уступив место странному, ледяному спокойствию. Я подумал: «Хорошо. Если это конец, то он будет на фоне красоты, о которой люди лишь молятся. И этот мальчик будет свидетелем».

Пилот сражался. Его движения были резкими, точными. Он не боролся с ветром — он вписывался в него, искал слабое место в его невидимой броне. Мотор взревел на пределе, лопасти, казалось, вот-вот оторвутся, но крылатая bestия дрогнула, выровнялась и, сделав последнее усилие, вырвалась из тисков ущелья.

Мы выплыли на солнечный свет, над хребтом. Тишина после рева оглушила. Внизу, в чаше долины, лежала Лукла — крошечный аэродром, полоска земли, вырубленная в склоне. Это была цель, спасение, жизнь.

И тут началось падение.

Самолет, еще минуту назад яростно сражавшийся, теперь сдался силе тяжести с удивительной покорностью. Лопасты превратились из ревущих мечей в лениво вздыхающие крылья. Мы не летели — тонули в разреженном воздухе, как камень в меду.

И вот, земля. Не гладь, а судорожный рывок.

Шасси ударились о склон с глухим, органичным стоном, будто гора охнула от прикосновения инородного тела. Вторая точка касания — жестче, с яростным креном.

На миг мир перевернулся: в окне заплясало небо, а затем ворвалась ослепительная зелень склона и коричневая полоска взлетно-посадочной полосы Луклы — самой опасной в мире,

---

¹⁸ Бхоте-Коси (Bhotekoshi, «река из Тибета») — бурная ледниковая река в Гималаях, берущая начало у Эвереста. Протекает через глубокое ущелье, служа главным транспортным коридором к региону Кхумбу. Отличается мощным течением и бирюзовой ледниковой водой.

втиснутой меж гор, как лезвие ножа. Металл скрипел, протестуя. Мое тело вдавило в кресло, ремни впились в плечи.

И — тишина.

Она наступила не после, а вместо. Оглушительная, абсолютная. Двигатели затихли, но в черепе еще гудел адский хор ветра, страха и перегруженных турбин. Я не дышал. Казалось, если сделать вдох, чары рухнут и хлипкий металлический кокон рассыплется в прах.

Дверь со скрипом откинулась — и ворвался мир.

Не картинка за стеклом, а целая вселенная ощущений. Воздух — не воздух, а лезвие. Холодное, острое, разреженное, режущее легкие с первой же попытки вдохнуть полной грудью. Но в нем — запах. Запах дымчатых можжевельных дров, влажной земли после утреннего мороза, далекого снега и чего-то старинного, каменного, вечного. Запах Гималаев.

Я вывалился наружу, и ноги подкосились. Не от слабости — от невероятной, непривычной твердости земли. Она не дрожала, не колебалась, а стояла неколебимо, уходя в самую сердцевину планеты. Я схватился за холодный борт самолета, и ладонь ощутила живую вибрацию умирающего металла. Он дышал, остывая, как загнанный насмерть зверь.

Только позже, на самом восхождении, я осознал: этот адский гул и рев стали для меня первой, внешней оболочкой Эвереста. Броней из воющего ветра и лязгающего металла, за которой скрывалось его истинное нутро.

Оказалось, у горы есть свои звуковые слои. Сначала — насилие стихии, рвущее уши и разум. Потом, когда ты остаешься с ней один на один, оболочка слетает. И из-под гула проступает иной звук: тишина, но не отсутствие шума.

Глубокий, плотный, вибрационный гул самой планеты — скрежет ледников, ползущих по камню, стонание сжимающихся пород, свист разреженного пространства. Этот низкочастотный ропот и был ее настоящим голосом. Грохот самолета оказался всего лишь крикливой прелюдией к ее беззвучной песне.

Вокруг засуетились. Непальские грузчики в потрепанных куртках и с безразличными лицами богов начали выгружать рюкзаки. Их движения были отработаны, быстры, лишены суеты. Для них это был не финал пограничного состояния между жизнью и смертью, а просто вторник. Их смех, резкий и гортанный, резал тишину.

Но я обернулся назад, к тому ущелью, что только что едва не стало нашей могилой. Солнце, поднявшись выше, золотило противоположный склон. Там, в сизой дымке, где нас швыряло как щепку, теперь парил коршун — черный символ на лазурном шелке неба. Без усилий. Спокойно. Насмешливо. «Добро пожаловать, — словно говорил его полет. — Вы справились. Пока что».

Грубое горловое пение ветра внезапно оборвалось, рассеченное чистым, ледяным и мелодичным звуком — точно удар хрусталя. Воздух, только что рвущийся в порыве, застыл в оцепенении. Рядом со стеной убогого аэропортного строения, смахивавшего на сарай, неподвижно стоял престарелый лама в бордовых одеяниях. В его опущенных руках блестели ритуальные колокольчики.

Он не смотрел на нас, только что сошедших с трапа. Его взгляд, мудрый и отрешенный, был устремлен на вершину, скрытую за дальними хребтами. Он тихо пел, благословляя горы, успокаивая духов, провожая и встречая путников. Его песнь была тонкой нитью, что связывала эту хрупкую обитель цивилизации с безмолвным, всевидящим миром льда и камня.

И тут до меня дошло. Это не просто посадка. Это — ритуал перехода. Мы не приехали. Мы прошли. Прошли через жерло ветра, через суд воздушной стихии. Лама благословлял не нашу удачную посадку, а наше вступление в иной мир. Мир, где человек — пылинка, а его амбиции — шепот против рева тысячелетних ледников.

Ко мне подошел Таманг шерпа, наш гид. Его лицо, обветренное и спокойное, как поверхность горного озера, тронула легкая улыбка.

— Сильный ветер сегодня, — сказал он просто, кивнув в сторону ущелья. — Гора проверяет. Если пропустила — значит, пока не против.

Он протянул чашку. Дымящийся сладкий чай с молоком. Горячая волна жизни растеклась по горлу, по желудку, отогревая ледяной ком страха, засевший внутри.

Я сделал последний глоток, поставил чашку и поднял глаза. Вверх, по тропе, что вилась из Луклы в облака. Там, в вышине, где зазубренный гребень хребта сливался с небом, лежала моя цель. Ее еще не было видно. Но я чувствовал ее. Как гигантский, спящий магнит. Как тихое, всепоглощающее притяжение.

Первый шаг по каменистой тропе прозвучал громче, чем удар шасси о землю. Это был не звук, а ощущение. Точка отсчета. Ноль. Отсюда начиналось все: боль, сомнение, восторг, преодоление. Отсюда начиналось восхождение.

Я вдохнул полной грудью лезвие гималайского воздуха и пошел навстречу белой безмолвной богине, что ждала, прикрытая вуалью облаков.

Лукла, этот крошечный, дрожащий от пролетающих самолетов пятачок, осталась позади. Не как аэропорт. Как отработанная ступень — от нее зависело, преодолею ли я тяготение. Врата были пройдены. Стража — пропустила. Игра началась.

Но подлинная трансформация началась лишь тогда, когда Лукла скрылась за поворотом, а под ногами зашумела настоящая горная тропа. Уходя все дальше вглубь ущелья, с каждым новым поворотом пути, мир вокруг преображался.

Последние отсветы мира людей остались позади, словно маска, сброшенная с лица настоящей, дикой природы. А впереди, в царстве величественных и безмолвных исполинов, с каждым метром набора высоты напряжение лишь нарастало.

Глухая, звенящая тишина вокруг была обманчива — она не отсутствовала, а копилась, сгущалась, словно гигантская пружина, которую вот-вот отпустят. Взор цеплялся за каждую деталь, сердце колотилось в ребра, скулы сводило, а нервы начинали звенеть тонкой, срывающейся струной.

Охватывало поразительное ощущение, будто мы вошли в эпицентр немого урагана, застывшего в камне. Со всех сторон нависали массивы скал — будто сама Земля в ярости швырнула здоровенные глыбы среди безжизненных просторов.

Возникало чувство, будто ты повис в пустоте, оторвался от твердой земли. Сначала это казалось терпимым, почти привычным. Но с каждым днем невесомость оборачивалась гнетом — все сильнее, все глубже, будто на грудь медленно опускалась каменная плита. Она выматывала, лишала покоя, выбивала из колеи, заставляла сомневаться во всем.

И вот наступает момент, когда ты понимаешь: дальше — ни шага. Ты буквально застываешь на месте, будто ноги вросли в землю. Мысль о том, чтобы развернуться и уйти, кажется такой заманчивой, такой простой.

Вернуться домой, туда, где тепло, безопасно, где нет этого бесконечного напряжения. Но почти сразу ты отбрасываешь эту идею, загоняешь ее в самый дальний угол сознания.

Потому что ты не можешь предать. Не можешь предать команду, которая верит в тебя. Не можешь предать себя, свои принципы, свою мечту. Ведь это будет означать конец всему, во что ты верил, к чему стремился. И даже в тех обстоятельствах, когда от тебя, казалось, ничего не зависело, ты знал: другого выбора нет. Ты не мог поступить иначе.

Эверест... Он забирал у тебя все: силы, время, покой. Но он же умел и дарить. Да, он был жесток, но в его жестокости была какая-то странная справедливость. Он дарил моменты, ради которых стоило терпеть.

Одна только мысль о вершине — она сводила с ума. Она пленяла, как наркотик, заставляла забыть о боли, о страхе, о сомнениях. Эверест всасывал тебя в себя, как воронка и ты, сопротивляясь из последних сил, все равно поддавался его власти.

Ты боролся. Боролся всеми силами, всеми фибрами души. Но чем больше сопротивлялся, тем яснее понимал: ты бессилен. И в какой-то момент ты просто сдался. Сдался ему, судьбе, всему этому безумию. Отдал себя целиком, без остатка.

А внутри... внутри все кипело, бурлило, как раскаленная лава. Эмоции рвались наружу, адреналин бил в голову, как ударная волна. Но сквозь этот хаос чувств пробивался страх. Да, страх.

Он был всегда рядом, тихий, почти незаметный, но разъедающий, лишенный резонанса. Он жил в тебе все эти дни, недели, месяцы подготовки. Он грыз тебя изнутри, как червь, точил душу, не давая забыть о риске, о цене ошибки.

И я до сих пор не знаю, был ли этот страх другом или врагом. Но именно он стал тем самым топливом, которое гнало тебя вперед. Именно он заставлял искать в себе силы, чтобы подняться после каждого падения, чтобы сделать еще один шаг, когда тело кричало: "Хватит!"

Вообще страх в горах — это не просто чувство. Это нечто большее, почти осязаемое. Он обволакивает тебя, проникает в каждую клетку, становится частью тебя, но при этом живет своей собственной жизнью.

Он как отдельное существо, которое дышит рядом, смотрит тебе в глаза и шепчет: «Ты не справишься». И ты понимаешь, что это не просто тень, а настоящий противник, с которым придется бороться. Не на жизнь, а на смерть.

Этот страх — особенный. Он не похож на тот, что ты испытываешь в обычной жизни. Он горный, дикий, первобытный. Он меняет форму, то сжимаясь в комок где-то под ребрами, то разливаясь ледяной волной по всему телу. Он материализуется, становится почти видимым. И ты знаешь: чтобы идти дальше, нужно сразиться с ним. Лоб в лоб. Без компромиссов.

И ты сражаешься. Каждый день, каждый час, каждую минуту. Это битва на износ, где победа дается ценой невероятных усилий. И когда ты в финале одерживаешь верх, понимаешь: это не просто победа над страхом. Это победа над собой. Она стоит тех же усилий, что и восхождение на самую вершину. Может, даже больше.

Для меня страх был главным испытанием. Не холод, не усталость, не отсутствие удобств. Нет. Именно он — этот всепоглощающий, давящий страх — был моим самым сильным противником. Я знал: если смогу его победить, все остальное покажется детской игрой. И это знание давало силы. Оно стало моим компасом, моей опорой.

Все началось еще на подходе к базовому лагерю Эвереста¹⁹(БЛ). Неделя пешего перехода через ослепляющие, захватывающие дух пейзажи. Казалось бы, что может быть прекраснее? Но внутри бушевала буря. Мысли металась от восторга и предвкушения до отчаяния: «А может, все бросить? Зачем мне это?» Но ты идешь. Потому что назад дороги нет.

А потом — жизнь в базовом лагере. Казалось бы, это просто палаточный городок у подножия великой горы. Но нет. Это испытание на прочность. Каждый день, каждая ночь — это борьба с собой, с сомнениями, с тем самым страхом, что присосался к тебе как клещ.

И когда начинается само восхождение, ты понимаешь: это уже не просто борьба. Это война. Война, где тебе порой «сносит мозги», где ты теряешь опору, где кажется, что помощи ждать неоткуда.

Но именно в этом, наверное, и заключается магия Эвереста. Он не просто проверяет тебя на прочность. Он ломает, чтобы собрать заново. Он заставляет тебя чувствовать все: от безумного страха до экстатического восторга.

---

¹⁹ Одинаковое название двух альпинистских лагерей, которые расположены с разных сторон горы Джомолунгма в разных государствах. Южный находится на территории Непала на высоте 5364 метра над уровнем моря, а северный — на территории Тибета (Китай) на высоте 5150 м над уровнем моря. Эти лагеря являются главными опорными пунктами для альпинистов, отправившихся покорять высочайшую вершину Земли.

И когда ты проходишь через это, ты становишься другим. Сильнее. Выносливее. Мудрее. Ты закаляешь свой дух и понимаешь: теперь ты способен на большее. На максимум. На то, что раньше казалось невозможным.

Горы... Они всегда были для меня чем-то большим, чем просто камни и снега. У них своя душа, своя аура, своя карма, не похожая ни на что другое. Ее чувствуешь за версту, за километры, еще до того, как они появляются на горизонте. И когда ты приближаешься к ним, шаг за шагом, ты словноходишь в магический круг, заколдованный и вечный.

Ты чувствуешь, как незримая тяжесть обрушивается на тебя — давящая, плотная, будто сама тьма приняла форму. Она пробирает тебя насквозь, будто пытаешься проверить, достоин ли ты быть здесь. Воздух вокруг наполнен чем-то неуловимым, словно микроскопическое облако, витающее в пространстве. Оно пахнет... как? Сложно описать.

Этот запах — как отзвук удара молнии. Резкий, вязущий, с металлическим привкусом на языке, будто язык лизнул батарейку. Он обжигает ноздри, но за ним тянется что-то приторное — сладковатый отзвук озона, будто сама стихия оставила после себя незримый шлейф силы. Его не спутать ни с чем.

Ближе к горам этот молниеподобный, острый аромат постепенно растворяется в других — теплых, нежных, дышащих жизнью. Цветы, травы, деревья... Они ковром расстилаются у подножия, будто природа сама пытается уравновесить суровость каменных гигантов мягким дыханием земли.

Алые розы, пышные рододендроны, кружевные гортензии, огненные маки, освежающая мята, терпкий можжевельник... Их ароматы не просто смешиваются — они танцуют в воздухе, сплетаясь в единую симфонию, столь же яркую и насыщенную, как сама жизнь.

Но чем выше поднимаешься, тем сильнее меняется мир вокруг. Воздух становится холодным и резким, почти стерильным, словно его пропустили сквозь ледяной фильтр. Снега и льды вытягивают из него последнее тепло, оставляя лишь кристальную чистоту и гнетущее безмолвие. А там, где начинается «зона смерти» — выше 8000 метров — исчезает все лишнее.

Здесь каждый вдох обжигает. Ледяной воздух впивается в легкие ледяными иглами, смешиваясь с колючей снежной пылью. Она проникает под кожу, выкорчевывает изнутри все мысли, все страхи, оставляя лишь голый инстинкт. Желание выжить. Жажду вершины, которая уже так близко — и все еще недостижима.

И все же, даже в этом царстве вечного холода, где ветер выдувает последние следы жизни, природа не сдаётся. Среди лезвий льда и скал, острых, как предательство, она находит способ напомнить о себе.

Изредка среди бескрайних просторов вечной мерзлоты встречаются крошечные островки зелени — будто капли жизни, затерянные в ледяном безмолвии. Эти упрямые растения, впившиеся корнями в скупую землю, словно бросают вызов самой природе.

Их цветы — вычурные, яркие, неприродные всполохи — пылают среди звенящей серости, словно живые искры упорства. Кажущиеся хрупкими, они не склоняются, а отвечают порывам ветра пластикой выживания, напоминая: жизнь пробивается даже там, где, кажется, восторжествовал лишь вечный холод.

А ночью... Ночью Эверест преображается. Небо, черное, как бархат, становится ближе, чем когда-либо. Мириады звезд зажигаются одна за другой, словно кто-то рассыпал алмазы по небосводу. Они так близко, что кажется, будто можно протянуть руку и коснуться их.

И в этом безмолвном мерцании, в гробовой тишине гор, есть что-то завораживающее, почти мистическое, ирреальное. Это момент, когда ты чувствуешь себя одновременно ничтожно маленьким и частью чего-то бесконечно великого.

Но если отбросить эту магию ночного неба, то остальное... Остальное — это вызов, брошенный самой природой. Выше снеговой линии, в так называемой «зоне смерти», ты словно

теряешь связь с реальностью. Там, где воздух становится разреженным, а холод проникает в каждую клетку тела, остается только одна мысль: «Как бы унести отсюда ноги?»

Это место, где жизнь замирает. Ничего не растет, не ползает, не летает. Только камень, лед и вечная тишина. Это царство смерти и она здесь — полноправная хозяйка.

Она маячит перед тобой, как только ты переступаешь черту. И если ты оказываешься в ее власти, счет идет на часы, минуты. Ты должен успеть подняться на вершину и спуститься обратно, пока она не забрала тебя навсегда.

Это состязание со смертью, с самим собой, больше похоже на русскую рулетку. Ты собираешь всю свою волю, все свои силы и идешь вперед, не оглядываясь. И остается только надеяться: повезет — не повезет. Если повезет, ты вернешься живым, словно заново родившись. Если нет... Ну что ж, значит, судьба.

Ее лицо до сих пор стоит у меня перед глазами... Минувя отметку 8400 у скалы «Балкон», я заметил женщину. Голова ее бессильно упала на грудь. Снег намел на ее капюшоне целую шапку. Рядом, скрючившись в позе эмбриона, лежал другой – колени намертво вжаты в живот.

Два немых вопроса, застывших в небо. Ни пафоса, ни величия – только леденящее дыхание смерти и его жуткая, неприкрытая будничность здесь, на вершине мира. И тогда рассудок, этот бесстрастный бухгалтер, выдал холодный расчет: «Восемьдесят тысяч... За спуск одного... Проще бросить. Большинство так и остаются здесь. Навеки».

На подступах к Эвересту я уже был там — не телом, но душой. Мои мысли, словно альпинисты, карабкались вверх, прокладывая маршруты, штурмуя вершину за вершиной в моем воображении.

Я видел, как мои ноги ступают на эту легендарную вершину, как я стою на Крыше Мира, а где-то далеко внизу в туманной дымке остаются овации, восхищение и весь этот шумный и суевливый мир.

Я едва замечал, как проходил мимо многочисленных поселков и деревень, мимо местных достопримечательностей, которые, словно грибы после дождя, выросли то тут, то там. Одна только гигантская ступа Боднатх²⁰ в Катманду чего стоила?

Да, она была величественна, но для меня она оставалась лишь фоном, размытым пятном на пути к моей цели. Люди, их лица, их улыбки — все это сливалось в одну пеструю канву, которую я не мог разглядеть.

Гул толпы, смех детей, крики торговцев — все это было где-то далеко, за плотной стеной моих мыслей. Эти звуки, словно назойливые мухи, жужжали в ушах, но не проникали внутрь.

Мой слух улавливал их, но не слышал. Мое зрение фиксировало яркие краски, радужные отблески жизни, но чем ближе я подходил к Эвересту, тем больше эти краски тускнели, теряли свою силу.

Моя душа была уже там, на вершине, где царят тишина и вечность. Этот мир с его «изысканным лоском», с его суетой и блеском не трогал меня. Я был мертв для него, глух к его соблазнам.

Даже здесь, в одном из самых роскошных уголков земли, я чувствовал себя чужим. Мое сердце билось в ритме ветра, который гуляет по склонам Эвереста, а не в такт этому шумному, яркому, но такому далекому миру.

Однажды, в Базовом лагере Эвереста, во время традиционного обряда Пуджа, я услышал слова молодого шерпы-проводника²¹, которые навсегда отпечатались в моей памяти. Они звучали как откровение, как тихий, но мощный голос самих гор.

---

²⁰ Культурное строение буддизма. Высота 40 метров. Построена в VI веке. Расположена на окраине Катманду в населенном пункте Боднатх. Тибетцы называют ее «Yambu Chorten Chenpo», что дословно переводится, как «Величие Катманду». Кто-то утверждает, что правильно называть святыню «Кхастхи», что означает – «Капля росы».

²¹ Народность, живущая в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии.

Пуджа²² — это не просто ритуал. Это священный момент, когда буддийский монах читает молитвы, обращаясь к духам гор, прося защиты и благословения для тех, кто отважился бросить вызов вершинам. Это посвящение в мир, где судьба висит на одной веревке, где стихия диктует свои правила.

И вот, среди дымящегося благовония и шепота молитв, этот шерпа, едва замечая мое присутствие, произнес: «У многих людей с Запада есть одна беда. Они разобщены внутри. Их души рассеяны, словно ветер в ущельях. Они потеряли связь с тем, что делает человека цельным — с верой, с традициями, с чем-то большим, чем они сами.

Они не умеют контролировать свой ум, не могут абстрагироваться от суеты. Их взгляд блуждает, их мысли расфокусированы. Но в горах это смертельно. Здесь ты должен быть собран. Здесь ты должен быть цельным».

Его слова глубоко затронули меня, как удар колокола. Он был чертовски прав! Горы не прощают слабости. Они требуют не только физической силы, но и абсолютной концентрации, внутренней гармонии. Молитва, ритуал, вера — это не просто традиция. Это инструмент, который помогает настроить душу, как натянутый лук, готовый выпустить стрелу к цели.

И я слушал его, затаив дыхание. Я чувствовал, как его слова проникают в самое сердце, как будто сам Эверест говорит через него. Я принес в дар горам частицу своей души, с самого начала пути. И я сделал все, чтобы оставаться верным своей цели. Все: каждое дыхание, каждая мысль — все было подчинено одной мечте: достичь вершины. Во что бы то ни стало.

Я не отступал. Не сомневался. Не позволял себе ни минуты слабости. Эверест, этот гигантский громоотвод, впитывающий молнии и ветра, словно чувствовал мое упрямство. Он будто шел мне навстречу, испытывая, но не ломая. И я шел, зная, что только собранность, только целостность внутри позволит мне одержать победу.

Путь к Базовому лагерю был не марш-броском, а медленным, осознанным ввинчиванием в поднебесье. Мы не шли — мы набирали высоту, с каждым шагом оставляя внизу не только километры, но и привычные законы существования.

Воздух редел, превращаясь в жидкий, обманчивый эликсир, который уже не насыщал, а лишь дразнил легкие. Это был постоянный, изматывающий диалог тела со средой, проверка на прочность каждого сосуда, каждого нервного окончания.

Горная болезнь, этот незримый спутник высоты, обошла меня стороной, не вцепившись когтями в сознание. Она прошла по самой кромке, едва касаясь, словно холодная тень от быстро плывущей тучи.

Ее след был почти эфемерен, но ощутим: давящая повязка головной боли, назойливая пульсация в висках, точно отсчитывающая ритм подъема, и странное, тревожное сдавливание где-то за грудной костью.

На уровне моря эти симптомы сочли бы досадной мелочью. Здесь же, где каждый литр воздуха на счету, любая боль обретала вес и значимость, звучала как суровое предупреждение. Эта тихая измена организма отнимала силы с коварной скоростью. Силы покидали тело одним махом, будто подсекая ноги на ходу.

Добравшись до убогой лоджии или гостеприимного приюта с расхожим названием «гостиница», я уже не раздевался — я падал на жесткую койку, и мир мгновенно гас. Сон был не роскошью, а лекарством, срочной и жизненно необходимой реабилитацией.

Даже двадцать минут этого забытья творили чудеса. Он не просто отдыхал — он перезапускал систему, сбрасывал накопившийся вред. Достаточно было присесть на камень, поло-

---

²² Буквально «право прохода». Церемония Пуджа проводится, чтобы установить контакт с божественной Сагамартхой, горой Эверест, и помолиться за безопасную экспедицию. При подготовке к церемонии сооружают большую пирамиду из длинных нитей молитвенных флажков. Команда предлагает специальную еду и напитки и приносит свое альпинистское снаряжение, чтобы его благословили в путешествии. Мука цампа, основной продукт тибетской диеты, намазывается на лица альпинистов и шерпов. В конце церемонии его подбрасывают в воздух в знак празднования и на удачу.

жить голову на колени, «покемарить» эти пять минут в полудреме, и ты вновь поднимался другим человеком.

Сознание прояснялось, тело, хоть и с неохотой, отвечало на команды. Вставал — при полной, как мне тогда казалось, боевой выкладке, готовый снова вгрызаться в склон и вести этот извечный спор с гравитацией и высотой.

Именно поэтому весь наносной антураж гор — суетливые толчки туристов у «знаковых» видов, погоня за сувенирами и обязательными фото — проходил мимо меня, как сон. Мой мир сузился до треугольника: дыхание — шаг — цель. Хотя красота вокруг была не просто достойна восхищения — она была титанической и устрашающей.

Ледники сверкали зубцами исполинских пастей, скалы вздымались в небо ветхими, но нерушимыми стенами. Я ступал по земле, где каждый камень был историей, а каждый поворот тропы открывал картину, от которой замирает сердце. Но я видел это словно сквозь толстое стекло: осознавал умом, но почти не чувствовал душой.

Высота диктовала свои приоритеты, и главным из них было простое, животное, драгоценное умение продолжать путь. На моем пути встречались места, навсегда отчеканившиеся в памяти — не как воспоминания, а как живые шрамы души. Они не просто впечатлили; они сразили наповал, оставив отметины, которые я ношу в себе подобно тому, как горы носят следы ледников.

И сейчас, стоит лишь закрыть глаза, как я снова там, среди этих красочных, фантазмагорических пейзажей, где каждый новый изгиб тропы под пятой — это не шаг, а встреча. Встреча с чем-то величественным, древним и абсолютно безразличным к твоему восторгу.

Одним из таких мест стал подвесной мост Хиллари²³ — тонкая стальная нить, натянутая над бурлящей горловиной ущелья. Внизу, в бездне цвета мокрого сланца, ревела и пенилась уже знакомая мне река Дух-Коси, чьи истоки питаются молочными водами тающих ледников у самого подножия Эвереста.

Стоя на этом зыбком мосту, я чувствовал не просто раскачивание под ногами — я чувствовал пульс гор. Деревянные доски скрипели на ветру, стальные тросы пели свою напряженную, звенящую песню, а снизу доносился низкий, неумолимый гул воды, несущейся с бешеной скоростью, чтобы разбиться о скалы.

Это был момент чистой, обостренной грани: между миром людей с их канатами и болтами и диким, необузданным миром гор, где природа нашептывает свои правила на языке обвалов и ветра.

А Намче-Базар²⁴! Этот амфитеатр жизни, затерянный в распадке гигантов на высоте, где уже звенит в ушах разреженный воздух. Город шерпов показался мне не просто поселением, а органичным продолжением скал, шедевром, высеченным совместно людьми и временем.

Его бесконечные лестницы, спиралями уходящие вверх и вниз по крутым склонам, уподобились мне ярусам Колизея. Только вместо гладиаторских битв здесь кипела иная, будничная битва за пропитание и кров.

Каждый камень мостовой, каждый сланцевый дом был немым свидетелем этой стойкости, храня след веков и запах дыма, ячьей шерсти и вечнозеленого можжевельника.

Особенно запомнился Як-Отель. Его фасад, грубо сколоченный из темного дерева, словно сошел со страниц повестей о Диком Западе, обещая внутри спартанскую простоту.

---

²³ Мост Хиллари — один из самых высоких подвесных мостов в регионе Эвереста. Он пересекает реку Дух-Коси в национальном парке Сагарматха на пути к поселку Намче-Базар. Высота моста над рекой составляет около 80–100 метров. Сооружение названо в честь сэра Эдмунда Хиллари, первого покорителя Эвереста, и было построено на средства его благотворительного фонда.

²⁴ Намче-Базар — главная торговая и административная «столица» района Кхумбу и народа шерпа в Непале. Расположенный на высоте 3440 метров, этот знаменитый горный поселок — обязательная остановка на маршруте к Эвересту и часть национального парка Сагарматха (объект ЮНЕСКО).

Но, переступив порог, я попал в иной мир: воздух был густ от запаха ладана и масляных ламп, а стены искрились буйством красок — расписанные вручную янтры²⁵, тантрические символы и лики бодхисаттв создавали ощущение теплой, почти материнской сакральности.

И главным хранителем этого очага был он — як, лохматое, величественное создание, подобное ожившей скале. Он стоял в своем углу, спокойный и невозмутимый, медленно пережевывая жвачку своим царственным взглядом, в котором читалась мудрость, не подвластная суете. В нем был заключен весь секрет этих мест — суровая, непоколебимая гармония.

Но кульминацией, тем алмазом, что венчал эту коллекцию воспоминаний, стал рассвет в Тенгбоче²⁶. Представьте: крошечная деревушка, прилепившаяся к хребту на полпути к подножию крыши мира.

Вокруг — кольцо гигантов, их заснеженные челы, упирающиеся в ночную синеву. А в центре, как жемчужина в оправе, — древний монастырь, его белые стены и темно-бордовая крыша хранили тишину веков.

Мы ждали в ледящем предрассветном воздухе, и когда первый луч солнца, острый как клинок, тронул самую высокую вершину — пик Кангатеги²⁷, — произошло чудо. Не звука, но света. Золотая волна покатила вниз, сжигая ночь, окрашивая снега в нежные, стыдливые оттенки розового и персикового.

Монастырь задымился утренним туманом, и гонги, пробив тишину, понесли в долины медные волны молитвы. Я замер, боясь дышать, понимая, что это и есть тот самый миг чистой абсолютной гармонии, когда мир, природа и душа звучат в идеальной невыразимой ноте. Это было прекрасно до слез. До боли. До осознания, что ради этого мгновения и стоит идти на край света.

На высоте, где небо становится затемненным стеклом, а дыхание — редким и драгоценным, лежит перевал Ток-Ла-Пасс²⁸. Четыре тысячи девятьсот метров. Здесь, на этой каменной брове мира, я столкнулся не с величием, а с тишиной. Тишиной, высеченной в камне и выкриваемой ветром.

Среди хаоса скал, обдуваемых ледяным дыханием Гималаев, стояли они — немые стражи памяти. Скромные пирамидки из камня, деревянные дощечки с именами, выцветшие на палящем солнце и ледяной изморози. Анатолий Букреев. Скотт Фишер. И другие, многие другие...

Читая их имена, я почувствовал, как в горле застывает не просто комок, а целый ледник немой печали. Это место — не кладбище, а пантеон отваги. Оно шептало на языке шквала о хрупкости человеческой плоти и несгибаемой, почти безумной силе духа, бросающего вызов самим богам, засевающим в каменных небесах.

Спускаясь с перевала, я увидел высохшее ложе озера Горакшеп. Почему-то именно оно, а не заснеженные пики, впилося в душу. Безжизненная, в трещинах глина была испещрена причудливым узором — словно страница гигантского геологического тома, на которой письмена вывели не чернилами, а язвинами, штрихами и впадинами.

---

²⁵ Янтры — это геометрические сакральные схемы в индуизме и буддизме, представляющие собой символическую «карту» вселенной или божества. Их основное назначение — служить инструментом для глубокой медитации и визуализации духовных энергий.

²⁶ Деревня Тенгбоче расположена в непальском регионе Солу-Кхумбу, на территории национального парка Сагарматха. Она находится на высоте 3867 метров, на холме у слияния рек Имджа и Души Коси. Отсюда открывается знаменитая панорама на гималайские вершины: Эверест (Джомолунгма), Нуптзе, Лхоцзе, Ама-Даблам и Тамсерку. Этот вид считается одним из лучших в Гималаях.

²⁷ Пик Кангатеги (6782 м), или «Седло Снега», — величественная и технически сложная вершина в Гималаях Непала. Он расположен в хребте Махалангур-Гимал, всего в 15 км к югу от Эвереста. Свое название гора получила за характерный ровный гребень, напоминающий седло.

²⁸ Ток-Ла (Thokla Pass), 4830 м — перевал между Периче и Лобуче на пути к базовому лагерю Эвереста. Здесь находится мемориал погибшим альпинистам, включая памятники Скотту Фишеру, Анатолию Букрееву и другим. Последний каменный рубеж перед ледником Кхумбу.

Его опустошенный, потрепанный веками вид был зеркалом моей собственной усталости — той глубокой, костной усталости, что остается после долгих переходов, когда тело становится лишь тенью, бредущей за волей.

Я стоял, глядя на эти земляные шрамы, и чувствовал странное родство. В этой пустоте, лишенной даже призрака воды, была своя суровая, аскетичная красота. Красота обнаженной истины, красота покоя, который наступает после долгой борьбы.

Но мир здесь не был безмолвен. Его ритм задавала другая жизнь — терпеливая, сильная, несущая на своих спинах наши мечты. Целый караванный отряд сопровождал нас: лошади с умными, кроткими глазами, могучие яки, чья длинная шерсть колыхалась как трава на ветру, и их неприхотливые потомки — хайнаки²⁹.

Они шли не спеша, мерно переставляя копыта, их бока вздымались под тюками с провизией и снаряжением. А над всем этим царил чистый, прозрачный звон колокольчиков на их шеях.

Это был не просто звук — это была медитация, древняя мантра пути. Его переливчатый стон врезался в ритм сердца и шагов, превращая подъем в своеобразный танец. Дзинь-дзинь... дзинь-дзинь... Он словно нашептывал сквозь шум ветра: «Иди. Дыши. Шагай. Ты сможешь».

И я шел, чувствуя, как грандиозные складки земли вокруг, эти каменные гиганты, медленно, словно страницы огромной книги или складки гармошки, разворачиваются, открывая за каждым поворотом новые, захватывающие дух просторы, новые грани бесконечного горизонта.

А потом прозвучал финальный аккорд пути — финальный титр, который гора заставляла нас выписывать ногами по камням, буква за буквой: «Б-А-З-О-В-Ы-Й Л-А-Г-Е-Р-Ь». Последние метры вымотали душу.

Серпантин, заваленный горами циклопических валунов, казался уже не тропой, а последним испытанием, вызовом, брошенным самой горой: «Ну что, остались ли у тебя силы? Сможешь ли?»

Ноги были свинцовыми, каждый вдох обжигал легкие. Но когда в разрыве серой морены, в царстве камня и льда, мелькнули первые яркие пятна — желтые и белые полотнища палаток, — что-то дрогнуло внутри. Не взрыв ликования, а тихое, всезаполняющее узнавание.

Это — окончание. Окончание долгого пути, который начался далеко внизу, в шуме и суете, и привел сюда, к подножию величайшей из святынь Земли — к Джомолунгме, «Богине-Матери всех гор». И когда я остановился, переводя дух, глядя на ее исполинскую, заснеженную пирамиду, парящую в небесах, все вдруг обрело смысл.

Каждый камень на тропе, каждый порыв ледяного ветра, каждый миг сомнения и усталости — все это было платой. И в тот миг я понял, что плата была ничтожна. Ибо взамен она дарила это — немое, всепоглощающее откровение ее величественной, абсолютной красоты.

---

²⁹ Хайнак — это сельскохозяйственный гибрид, полученный от скрещивания домашней коровы (*Bos taurus*) и яка (*Bos grunniens*). Такие животные сочетают выносливость яка с продуктивностью коровы.

Часть 7. Базовый лагерь Эвереста

Холод. Он не просто окружает тебя здесь – он въедается в кости, пропитывает каждую пору, становится частью дыхания, его соленым ледяным привкусом на губах. Первое, что чувствуешь, открыв глаза в тесной, пропахшей потом и пластиком палатке под утро, — это не свет, а именно холод.

Он просачивается сквозь ткань, струится по земле, свисает с потолка ледяными кристаллами дыхания. Он резкий, режущий, как лезвие старого кукури, зазубренное от времени и дел. Воздух на высоте 5364 метра – не воздух, а разреженный, колючий эфир, глоток которого требует отдельного, осознанного усилия.

Мозг, затуманенный гипоксией, будто погружен в густой сироп. Каждое движение, каждое решение рождается в нем медленно, с трудом, и затем, словно в замедленной съемке, передается телу.

Застегнуть спальник? Целый квест, требующий концентрации и мелкой моторики, которой уже нет. Завязать шнурок? Подвиг, геройство. Жизнь здесь измеряется не днями, а этими крошечными, мучительными победами над собственным одряхлевшим телом.

Я выползаю наружу, откинув тяжелую шторку палатки, и мир обрушивается на меня не тишиной, а грохотом. Не той святой, мертвой тишиной гор, о которой врут глянцево-журнальные, а оглушительным, живым, дышащим грохотом. Это голос Кхумбу. Ледника-исполина.

Где-то в его чреве, в черных, невидимых глубинах, с титаническим скрежетом трескаются и рушатся тысячелетние льды, трутся друг о друга глыбы размером с небоскреб. Это звук движения матери-Земли, ее медленного, неостановимого скольжения вниз по долине.

Звук идет не сбоку, а снизу, сквозь мерзлую каменистую плоть морены, отдаваясь низкой вибрацией где-то в глубине грудины. Это не музыка. Это предупреждение. Рычание спящего гиганта, на чьей спине мы, жалкие, мимолетные соринки, осмелились разбить свои пестрые, тленные лагеря.

И вот он, раскинувшийся на серой, пыльной спине гиганта, – Базовый Лагерь Эвереста, или ЕВС, как его величаво кличут на всех языках мира. Это не место. Это состояние души, растерянной и одновременно возбужденной. Беспорядочное скопище ярких нейлоновых пузырей, растянувшееся по морене, как кричащие заплатки на старой, пропахшей дымом и землей куртке.

Здесь нет улиц, есть лишь тропы, протоптанные между камней, ведущие от царства одной экспедиции к владениям другой. И над всем этим хаосом человеческих амбиций и надежд – ОНА. Джомолунгма.

Не просто гора. Это – горизонт. Это – небо, ставшее камнем. Исполин. Икона. Палач и мечта в одном лице. Ее южный склон, грозная черная стена, местами припорошенная вечным снегом, вздымается прямо отсюда, из чаши лагеря, уходя в стратосферу, теряясь в ослепительной синеве.

Она меняет лики со скоростью мысли: на рассвете она рдеет нежным, обманчивым румянцем, днем ослепляет стерильной, безжалостной белизной, на закате пылает гневным багрянцем, а ночью растворяется, сливаясь с космической тьмой, ощущаясь лишь как гнетущая, холодная пустота над головой, черная дыра, высасывающая тепло и звук.

Она не враждебна. Враждебность – чувство. Она же – совершенное, абсолютное равнодушие. Мы для нее – случайный налет, пыльца, занесенная ветром, муравьи, ползающие по склону в тщетной попытке доказать... что? Себе? Миру? Что мы можем? Она просто есть. Вечная. Немая. Подавляющая своим безмолвным присутствием.

В ушах еще звенит навязчивый гул маленького самолета, доставившего меня в Лукла, в животе – тяжесть странной пищи. В ноздрах – вечный коктейль из ледниковой пыли, сладко-

ватого дымка якского навоза (им топят печки в походных «чайных») и едкой гарьи от дизельных генераторов.

В крови – гремучая смесь адреналина, кислородного голодания и первобытного, животного страха, который не признают вслух. Я оглядываюсь. Этот «город» на краю жизни, на высоте пяти с половиной тысяч метров, где каждый вдох – усилие, а каждый шаг – одоление. И понимаю, что сильнее всего здесь пахнет вовсе не дизелем или навозом.

Здесь, в этом разреженном, стерильном воздухе, витает густой, почти осязаемый запах амбиций. Он выдыхается легкими альпинистов, звучит в их скупых разговорах, мерцает в их глазах, устремленных вверх. Он смешивается с запахом страха, пота и старого нейлона, создавая уникальный, горьковатый аромат человеческого предела – места, где мечты упираются в каменную грудь небес.

Вот рядом, у троса генератора, бурно жестикулируют шерпы. Спорят или смеются — по их лицам, высеченным из старого тика или мореного дуба, не разберешь. Морщины у глаз у них — не от возраста, а от постоянного прищура, от встречного ветра и отраженного солнца.

И в этих лицах светится невозмутимость, выкованная поколениями, — спокойная, глубинная уверенность в камне под ногами и небе над головой, которой мне, пришельцу с равнин, никогда не понять.

Они — основа всего. Невидимый фундамент, на котором держится этот хрупкий мирок у подножия гиганта. Они — тихие двигатели этой безумной, дорогой машины под названием «мечта». Они носят немыслимые грузы по ледопаду — по той хаотичной, вечно дышащей гряде синих льдов — с грацией горных козлов и стоическим терпением яков.

Их улыбки, широкие и бесхитростные, — как теплые островки в этом ледяном, бездушном море. Их сила — не кричащая, не демонстративная. Она тихая, кованная из вековой тишины высокогорий и неумолчного воя ветра.

Они — настоящие, единственные хозяева этой высоты. Мы же, со всеми нашими технологиями и амбициями, — лишь временные, суетливые гости, платящие звонкой монетой дань их древнему опыту и феноменальной выносливости.

Видеть, как они, словно не касаясь земли, несут по Тропе Смерти (а Ледопад Кхумбу — это именно она, смерть, прикрытая маской искрящегося, хрупкого бриллиантового наста) огромные балки для новой «чайной» или ящики с шампанским для чьей-то «VIP-экспедиции» — это зрелище, вызывающее одновременно восторженное восхищение и глубокий, гнетущий стыд. Восхищение перед силой духа. И стыд за циничное уравнивание мира, где одна спина несет развлечения для другой.

А там, в стороне, раскинулись, как спелые, самодовольные плоды, лагеря богачей. Да, есть и такие. Геодезические купола-люкс возвышаются над морем скромных нейлоновых пузырей, как хрустальные дворцы.

Внутри — походные ковры, тихо жужжащие обогреватели, спутниковые тарелки, льющие призраки цивилизации, и складные столики для покера. По утрам оттуда плывет запах дорогого растворимого латте и едва уловимый шлейф дорогих же духов. Их подготовка? Оплаченный до последней карабинера логистический монстр.

Шерпы — персональные гиды, запасные баллоны с кислородом на каждом шагу, прогнозы погоды из трех независимых источников. Они покупают не просто восхождение — они приобретают призрачную, хрупкую иллюзию комфорта раскинутую на самом краю бездны.

Смотреть на их вечерние посиделки с икрой и тихими тостами под непрекращающийся, зловещий грохот Кхумбу — это сюр чистой воды. Именно здесь, на этой высоте, грани миров — первозданного и цивилизованного, аскетичного и роскошного — сталкиваются особенно жестоко и бескомпромиссно.

Вот они — новички, «зеленые». Их выдает все: ошалелые, слишком широко открытые глаза, вбирающие каждый камень, каждый отсвет; неуверенная, вихляющая поступь в громоздких, еще не разношенных ботинках.

Они хватают на память все подряд: ржавые, пустые баллоны, оставшиеся от прошлых сезонов, камни с обрывками выцветших молитвенных флажков, делают селфи с посиневшими от холода ногтями.

Их смех — громогласный, нервный всплеск, разрывающий приглушенную, настороженную тишину лагеря. Они еще не осознали до конца, куда попали. Их спины пока не согнулись под незримой, но ощутимой тяжестью этой Горы. Они еще в предвкушении. В авантюре.

И чуть дальше, в стороне от общих троп, — стоят ветераны. Их видно с полувзгляда. Взгляд — прищуренный, острый: они сканируют небо в поисках перистых когтей струй, склоны — вглядываясь в свежие лавинные следы, лица людей — выискивая слабинку или надменность.

Движения — экономные, выверенные до автоматизма, как у старого хищника, который знает цену каждому лишнему шагу и бережет силы для решающего броска. Они говорят мало и тихо, слова у них весомы, будто отлиты из свинца.

Они знают цену не только слову, но и каждому вдоху, каждой калории, каждой капле пота. Их палатки — не просто укрытие от стихии, а крепости, цитадели, где идет незримая, тихая война за восстановление мышц, духа и воли. Они не суетятся. Они ждут. Ждут Окна.

Того самого короткого, мимолетного затишья в бешеной, неистовой пляске струйных ветров на вершине, того часа или двух, когда Небо, устав от гнева, ненадолго, со вздохом, приоткроет свою жемчужно-синюю дверь... И в этот миг они должны быть готовы ринуться в эту щель, чтобы успеть коснуться крыши мира, пока дверь снова не захлопнулась на тысячу лет.

А мы, наша группа, находились где-то посередине: мы уже миновали первый шок новизны, но, несмотря на имевшийся горный опыт, еще не обрели стойкого спокойствия бывалых. Наше существование определяла не томительное ожидание, а интенсивная, выжигающая душу и тело учеба.

Именно здесь, в этом хаотичном городе из разноцветных палаток, раскинувшемся у подножия величайшей горы мира, и началось мое подлинное преобразование из простого смертного в альпиниста.

Первым уроком стала «Лестница». Две шаткие алюминиевые секции, переброшенные через имитацию ледниковой трещины — глубокую расщелину, скрывающую в своих синеватых недрах вековой лед. С виду — просто конструкция с строительной площадки.

Но для нас она была вратами в иной мир. Мир, где каждый шаг — вызов, а доверие к снаряжению — единственная нить, связывающая с жизнью. Я ступал на первую перекладину, и ледниковая трещина подо мной зияла голубоватой пустотой, обещая ледяное забвение.

«Не смотри вниз, смотри вперед!» — эхо инструктора растворялось в разреженном воздухе. Это был не просто переход. Это был танец с гравитацией, первый урок смирения и концентрации.

Затем нас поглотила шкала высоты. Скалодром из голого льда стал нашим полигоном. Здесь я познакомился с ними — жумаром и восьмеркой. Жумар, тот самый зубчатый зажим, что должен был стать моими когтями, впивающимися в веревку жизни. Первая попытка подъема была откровением собственной беспомощности.

Руки горели, ноги скользили по ледяной стене, а железный механизм с лентой перемещался вверх по тросу. Но с каждым движением приходило понимание: это не про силу, это про ритм. Вдох — щелчок жумара, шаг ногами в петли, выдох — перенос веса. Ритм, повторенный сотни раз, пока мышцы не начали помнить его сами.

А потом — спуск. Доверить свою сотню килограммов живого веса, страха и надежды маленькому устройству в виде восьмерки. Откинуться назад, в пустоту, почувствовать, как веревка с шипением проскальзывает через карабин, и начать контролируемое падение вниз по ледяному фасаду.

Это был акт веры. Вера в веревку, в железо, в товарища, страхующего тебя на другом конце. В этом противоборстве с высотой рождалось новое чувство — не бесстрашия, нет, а уверенности, выкованной в знании и отточенном мастерстве.

Нас учили ходить заново. Надев кошки — эти стальные когти с двенадцатью зубьями, — ты становился неуклюжим ребенком. Первые шаги, когда зубья цеплялись за штанину или за соседнюю кошку, грозя падением.

Но вот мы вышли на ледовый склон, и магия свершилась. Стальные шипы впивались в лед с сухим хрустом, даруя невероятное сцепление. Мы учились «кошковать» — ставить ногу так, чтобы все двенадцать зубьев встречались со склоном. Это была поступь титана, тяжелая, мерная, неумолимая.

А в руке ледоруб — продолжение твоей воли. Он был и посохом, и поводком, и средством спасения. Мы отработывали самоудержание — тот самый отчаянный маневр, когда при срыве ты должен молниеносно перевернуться на живот и вонзить клюв ледоруба в склон, превратив падение в остановку.

Тело падало снова и снова, оттачивая до автоматизма этот рефлекторный жест. Ледоруб перестал быть куском железа на древке. Он стал частью меня.

Вечерами, в палатке, при свете фонарика, пальцы, одеревеневшие от холода, учились вязать узлы. Восьмерка, схватывающий булинь³⁰, узел Прусика... Они сплетались не из веревки, а из доверия.

Красота и надежность каждого витка были залогом того, что эта веревка не подведет тебя где-то там, на высоте, в пургу и крошечную тьму. Это была медитативная, почти священная практика.

И наконец, нам показали их — стальные баллоны, похожие на диковинные бомбы. Кислород. Дыхание богов на крыше мира. Мы постигали азы сборки системы: баллон, регулятор, маска.

Первый вдох сжатого, сухого воздуха был непривычным, словно глоток иной атмосферы. Но за этим глотком стояла возможность штурма вершин, где собственные легкие бессильны против разреженности. Это был ключ от последних врат.

Финалом подготовки стал штурм соседней пирамиды — крутого ледово-каменного склона, упирившегося в небо. Это был наш маленький Эверест. Мы шли связкой, наш «паровозик», отработывая всю цепочку навыков. Кошки уверенно вгрызались в фирн, ледоруб отыскивал точку опоры.

Мы переправлялись через трещины по наведенным перилам, щелкая карабином жумара, и отработывали смену лидера на вертикальном участке. Дыхание было тяжелым, но ритмичным.

Сердце колотилось, но не от паники, а от работы. На вершине того небольшого пика, когда я обернулся, чтобы посмотреть на раскинувшийся внизу Базовый лагерь, я не ощутил триумфа. Я ощутил тихую, выстраданную готовность.

Гора была все так же гигантска и холодна. Но теперь я смотрел на нее не как на несбыточную мечту, а как на задачу. Сложнейшую, смертельно опасную, но задачу, для решения у которой у меня теперь были инструменты. Я прошел школу высоты. И теперь был готов услышать зов Большой Горы...

---

³⁰ Булинь (англ. bowline, читается как «булин») — это один из самых важных и часто используемых незатягивающихся петель. Его часто называют «королем узлов» из-за надежности, простоты вязки и универсальности.

И когда подготовка была завершена, мы вернулись в общий ритм лагеря. Но теперь это ожидание было иным — осозанным. Мы стали частью этого механизма. Дни здесь – не дни. Это бесконечные циклы: еда-сон-подготовка снаряги-ожидание.

Ожидание – главный враг. Оно точит нервы острее ветра. Слухи ползут по лагерю быстрее лавины: «В Лхоцзе траверс забит, там трое застряли», «У японцев на Южном Седле сорвало палатку, один обморожен», «Метео говорит, окно может быть через пять дней... или через три недели».

Каждое утро первым делом – взгляд на флаг на вершине Пумори. Если он трепещет яростно – все, день вычеркнут. Если почти не шевелится – в лагере пробегает электрическая искра надежды. Еще день? Еще шанс?

Ночь. Кажется, вот он – покой. Ан нет. Высота не дает спать. Сердце колотится, как загнанное, мозг лихорадочно прокручивает маршрут, страхи, планы. Дыхание с присвистом. А снаружи – тот самый грохот Кхумбу-Исфол. Он усиливается в темноте, когда зрение отказывает.

Ледник живет своей жизнью, напоминая: вы здесь на птичьих правах. Миллиарды тонн льда шевелятся под ногами. А еще – ветер. Он воев в растяжках палаток, срывает снежные шлейфы с гребней, нашептывает что-то ледяное на ухо, словно души тех, кто не дошел. Иногда слышишь крик – то ли отчаяния, то ли боли, то ли просто игра воображения в разреженном воздухе. Не узнаешь никогда.

Я часто спрашивал себя – Зачем я здесь? Честно? Иногда сам не знаю. Не для красивых фото в инстаграм, это точно. Не для того, чтобы поставить галочку. Здесь, у подножия этого каменного Бога, все твои «почему» рассыпаются в прах. Остается только оголенный нерв.

Жажда. Жажда взлететь выше. Жажда доказать... Кому? Себе? Ей? Что ты можешь бросить вызов пределу, посмотреть в лицо абсолюту, Бездне. Почувствовать жизнь в каждой молекуле – даже когда она висит над пропастью на тончайшей нити.

Это не романтика. Это – выживание на краю. Это холод, впитывающийся в кости и не отпускающий. Это страх, острый и живой, что шевелится под ребрами каждую ночь. Это адреналин, который бьет в виски при виде маршрута.

Но это еще и... восторг. Дикий, неконтролируемый восторг от того, что ты здесь. Что ты стоишь на этой священной для любого альпиниста земле, дышишь этим ледяным воздухом и чувствуешь на себе этот потухший, всеведающий взгляд Гималаев.

Они говорят: «Там, внизу». Как будто существует только два места на земле: «здесь» – и «там, внизу». Весь остальной мир, со всей его суетой, тревогами, теплыми кроватями и запахом кофе по утрам, сжимается до этих трех слов.

До точки на карте, которую ты покинул. До воспоминания, которое кажется сном. А «здесь»... Здесь начинается другое. Здесь воздух не питает, а режет. Каждый вдох – усилие, как будто легкие скребут по стеклу.

Солнце палит беспощадно, выжигая роговицу глаз, но стоит шагнуть в тень – и кости промерзают до ломоты. Здесь тишина – иллюзия. Ее разрывает грохот ледопадов, скрежет камнепадов, вечный вой ветра в ущельях и... гул. Низкий, нутряной, как биение огромного сердца под ногами. Гул самой Горы.

Базовый Лагерь – не старт. Это точка невозврата. Переступив этот порог, ты уже не будешь прежним. Здесь сжигаются мосты как «там, внизу». Остается только путь вверх. В ледяное пекло. В звенящую пустоту. Навстречу себе. И Ей.

Сделаю ли я это? Не знаю. Знаю только одно: я здесь. Сердце колотится, как барабанная дробь перед атакой. Легкие горят. Взгляд прикован к черной пирамиде, теряющейся в небе. Страшно. Очень. Но чертовски... живо.

И эта живость, это пограничное состояние между жизнью и смертью, становится единственной реальностью. Ты понимаешь это с пугающей ясностью, когда видишь, как горная

машина перемалывает чью-то мечту. Именно здесь, у этого каменного алтаря, где амбиции сталкиваются с апатией гиганта, любая иллюзия бессмертия рассыпается в прах.

Я увидел это своими глазами. Он... он лежал на изоляционной пенке, отброшенный судьбой у самого порога небес, которых так и не достиг. Альпинист. Его тело, еще недавно сильное и устремленное вверх, теперь было всего лишь грузом.

Глаза, застланные дымкой гипоксии, смотрели в бездонную синеву неба, но не видели его. Они видели что-то иное — быть может, обрывки несбывшихся снов, а может, призрачные тени на грани сознания.

Дыхание было частым и поверхностным, как у пойманной птицы, а пальцы в толстых перчатках беспомощно шевелились, пытаясь поймать ускользающую нить реальности. Гора, эта величественная и безучастная богиня, не стала с ним бороться — она просто дунула ему в лицо своим ледяным дыханием, и егохватило, чтобы сломить волю.

Внезапно, из-за гребня ледника, донесся отдаленный, но властный звук — ровный, нарастающий гул. Он не принадлежал этому миру камня и льда. Это был звук спасения, звук иной, технологической цивилизации. Гул креп, наполняя собою все пространство, вытесняя саму тишину.

Сначала он был где-то в далекой синеве, потом превратился в оглушительный рев, который бил в барабанные перепонки и вибрировал в груди. Из-за скалы, медленно, словно огромный, неуклюжий шмель, появился вертолет.

Его яркий корпус был пятном яростной жизни на фоне бледных склонов. Он парил, выбирая место, сопротивляясь разреженному воздуху, который с трудом держал его стальные лопасти.

И вот он пошел на посадку. Винт, вращаясь с неистовой скоростью, поднял вокруг адское торнадо из снежной пыли и мелких камней. Воздух закружился в ослепительной метели, поднятой искусственной бурей.

Палатки затрепетали, как испуганные птицы, и все, кто был поблизости, пригнулись, зажмурились, отворачивались, прикрывая лица капюшонами и очками. Бывшее многоголосие мира смолкло, вытесненное монотонной симфонией этого белого вихря, рева машины и одного обесцененного человека, ради которого все это затевалось.

Едва лыжи шасси коснулись утрамбованного снега, как картина ожила. Казалось, все происходило в ускоренной съемке. Из палаток, словно муравьи из разоренного муравейника, посыпались люди. Коренастые, крепкие шерпы в ярких пуховиках, их лица, привыкшие к суровости гор, были сосредоточены и суровы.

Они не бежали, они двигались с целеустремленной, отточенной быстротой, какой учат только горы и постоянная близость опасности. К ним присоединились другие альпинисты — немцы, американцы, японцы. В их глазах читалась не просто суета, а глубокое, братское понимание. Каждый из них знал: сегодня — ему, завтра — мне. В этом высокогорном аду они были частями одного целого.

Медбрат-шерп, расстегнув свою красную куртку, уже был на коленях рядом с альпинистом. Быстрыми, профессиональными движениями он проверял пульс на шее, светил фонариком в расширенные зрачки, переговаривался с пилотом вертолета по рации. Его голос, заглушаемый воем турбин, был коротким и властным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.